

Д. В. ШМЕЛЕВ

ХРИСТИАНСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦИИ

Дмитрий Шмелев

**Христианская демократия
в современной Франции**

«Алетейя»

2018

УДК 329(44)
ББК 66.69(4Фра)

Шмелев Д. В.

Христианская демократия в современной Франции /
Д. В. Шмелев — «Алетейя», 2018

ISBN 978-5-907030-16-9

В монографии исследуется история французской христианской демократии во второй половине XX века: 1960-е годы, когда имеют место структурные изменения и широкий плюрализм движений христианско-демократического толка; 1970-е годы, когда христианская демократия тесно взаимодействует с жискардизмом; 1980-е годы – период стабилизации электорального и политического влияния и, наконец, 1990-е годы – начало XXI века – период заката традиционной политической культуры и эволюции центра, связанной с деятельностью Франсуа Байру. В центре внимания политическая стратегия, идеи, специфика электората, особенности политической культуры, а также вопросы политического, социального, экономического и культурного развития Франции во второй половине XX века. Монография основана на архивных фондах французских христианско-демократических партий и президентском архиве В. Жискара д'Эстена, материалах прессы, социологических опросах, исследованиях в области истории, электоральной географии и политической науки российских и зарубежных специалистов. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 329(44)
ББК 66.69(4Фра)

ISBN 978-5-907030-16-9

© Шмелев Д. В., 2018

© Алтейя, 2018

Содержание

Предисловие	6
Часть I	13
Глава первая	13
Закат партии МРП и создание «Демократического центра»	13
Социокультурные и экономические изменения во Франции в 1960-е годы	27
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Дмитрий Шмелев

Христианская демократия в современной Франции

Предисловие

После роспуска партии Народно-республиканское движение (МРП) в 1967 г. французская христианская демократия возвращается к политическому плюрализму. Последовательно возникают и развивают свою активность новые партии – «Демократический центр», «Центр Демократия и Прогресс», затем— «Центр социальных демократов» и «Демократическая сила», ставшие наследниками МРП, партиями центристского толка. Одновременно существуют более мелкие структуры, игравшие эпизодическую роль на определенных этапах истории христианской демократии, например, левохристианские организации, «Objectif 1972» Р. Бюрона и ряд других. Следовательно, можно с полным основанием говорить о возобновлении дисперсности христианской демократии, разбросанной по разным флангам французского политического пейзажа.

Между тем продолжение существования христианской демократии как важной политической силы делало актуальным решение нескольких крупных проблем.

Во-первых, проблема интеграции верующих в республику и соотношение религии и политики в дискурсе политической партии. Попытка решить данную проблему в послевоенные годы стоила партии МРП обвинения в «католицизме» (что в действительности противоречило ее доктрине, структуре и действиям). Народные республиканцы по-своему решили данную проблему, жестко дистанцировавшись от церковной иерархии и уведя от нее значительную часть католических активистов (привлеченных ее реформистской программой). Таким образом, благодаря МРП завершается политическая интеграция католиков в республику. Изменения в социокультурной жизни Франции 1960-х годов подтвердили эту эволюцию, ознаменованную закатом движений «католического действия» и коротким, но бурным всплеском христианского гошизма во время событий Мая 1968 г. Однако традиционные вопросы соотношения религии и политики продолжают возникать и ставить проблемы на различных уровнях жизни общества: как принадлежность к церкви моделирует политические позиции христиан; какими путями религиозные силы влияют на политику; какова корреляция между религиозным и политическим поведением; что делать с множественностью христианских субкультур, отстаивающих свои модели общества? Можно констатировать возникновение некоего «отрыва» религии от политики, когда церковная иерархия вмешивается только в т. н. «этические ставки» (школа, семья), но не в политические вопросы. В итоге, к концу столетия дилемма между религией и политикой оказались вне дискурса христианско-демократических партий. Процесс эмансипации французской христианской демократии от религиозного влияния был, по сути, завершен. Неконфессиональность партии МРП найдет продолжение в неконфессиональности ее преемников – «Демократического центра» и Центра социальных демократов, а «Демократическая сила» Ф. Байру провозгласит себя более светской, чем предшествующие организации подобного толка.

Во-вторых, не менее актуальный вопрос примирения политических позиций активистов и избирателей. В послевоенные годы партия МРП существовала в условиях глубокого разрыва между настроениями избирателей и политическими позициями активистов, что стоило ей многочисленных диссидентств и вынуждало к постоянному балансированию между правым и левым центром в политической стратегии. После роспуска МРП ситуация в некотором

роде «нормализуется». Угроза разрыва между активистами и избирателями, по сути, исчезает. Имеет место явный внутренний монолитизм христианско-демократических партий. Они становятся более элитарными и «менее народными», если можно так выразиться, более кадровыми, культивируют своих нотаблей, столпов регионального влияния, более центристскими. Исчезает необходимость сосуществования правого и левого фланга в рамках одной структуры, равно как и необходимость поиска внутреннего компромисса. Левый и правый фланги христианской демократии существуют фактически автономно, делая вновь актуальным вопрос об объединении всей христианской демократии.

Современная дисперсность христианской демократии делает затруднительной ее квалификацию по шкале правые / левые (проблема, которая возникает уже при анализе истории МРП). Но политическая принадлежность ее групп, рассмотренных по отдельности, позволяет их соотнести с традиционной классификацией. Французская политическая наука, по сути, ставит знак равенства между центром и правым центром, отказывая «политической мысли центра», по выражению Т. Геноле, в независимости. Политическая система V Республики с ее биполярной логикой этому способствует, провоцируя постоянную борьбу центра за свою автономию, отстаивание плюрализма реального политического пейзажа. Но, следуя логике М. Дюверже, правила электоральной игры предопределяют конфигурацию системы партий. Следовательно, можно иметь партию центра, но не доктрину центра. С 1969 по 1974 годы центр разделен. Он не сводится только к христианской демократии, как и христианская демократия не является его единственным воплощением. Христианская демократия представлена в каждой из составляющих центра¹. Отсюда общее определение ее как центристской силы, без привязки к конкретному флангу. Данная ситуация отчасти проистекает из претензии самой христианской демократии на гегемонию в центре, которая была одной из целей политической стратегии партии МРП, а затем воздвигнута ее преемниками в ранг непререкаемого догмата. В итоге, христианская демократия присутствует среди всех современных французских политических культур, за исключением крайностей.

В-третьих, сужаются доктринальные ориентиры христианской демократии, коими остаются, прежде всего, социальный реформизм и европеизм. Постепенно уходят в прошлое социально-экономические баталии послевоенных лет. С торжеством либеральной демократии рождается консенсус по наиболее важным общественным ставкам. В этих условиях христианская демократия продолжает оставаться социально ориентированной, но уделяет внимание больше конкретным проблемам (решению вопросов социального неравенства, семейной политики, заработных плат, социальных гарантий, морали и нравов, школы). Это позволяет ей занимать четкую позицию в период острых идеологических дебатов жискаровского президентства и «социалистического эксперимента» начала 1980-х годов. Точно также, реализация большей части европейской программы и развитие международного сотрудничества христианских демократий снижали необходимость бороться за продвижение европейского идеала. Европейская интеграция стала частью официальной политики, независимо от политической силы, находящейся у власти, равно как европейские выборы стали частью общей политической борьбы и показателем влияния. Данный факт облегчил присоединение христианской демократии к правительственному большинству в «годы Жискара» и выражение «конструктивной оппозиции» в «годы Миттерана», но снизил накал внутрипартийных дискуссий о путях и методах интеграции. В доктринальном плане все менее выраженными являются отсылки к прошлому идейному наследию. Апелляция к М. Санье, довоенным организациям и даже

¹ См. Guenole Th. Les centres en France. Ideologic et incarnations contemporaines du centre. These de doctorat. P.: IEP, 2013. P. 83. Этот факт дает повод Ф. Байру в предисловии к книге П. Летамендия, посвященной истории МРП (Letamendia P. Le Mouvement Republicain populaire, le MRP: histoire d'un grand parti franpais. P., 1995), фактически поставить знак преемственности между МРП и СФД. Это можно объяснить конъюнктурными политическими обстоятельствами, но сама постановка вопроса выглядит интересной.

МРП выглядит скорее как демонстрация политической преемственности (на съезде социальных демократов 1977 г. или в выступлениях Ф. Вайру конца столетия), нежели как намерение следовать «заветам отцов». Какой-то период она еще сохраняется среди сторонников Ж. Леканюэ, но уже почти отсутствует у Ж. Дюамеля, в левохристианских движениях или в начале XXI века у сторонников Ф. Вайру.

Как исследовать современные политические партии и христианскую демократию, в частности? Период существования партии МРП совпал с периодом подъема массовых партий, начавшегося еще до второй мировой войны. Тому способствовали сдвиги в электорате и социальной структуре населения, урбанизация и концентрация промышленного производства, требования защиты коллективных интересов, становление гражданского общества. Это время взлета и апогея могущества христианско-демократических партий в Европе и во Франции, в частности. С 1958 г. во Франции меняются правила политической игры. Создается новая политическая система, к которой христианская демократия вынуждена приспосабливаться, не в силах ее ниспровергнуть. В итоге, МРП оказывается в оппозиции и переживает упадок и закат. На рубеже 60-70-х годов начинается новая эпоха с новыми вызовами и стабилизацией партийно-политических систем. Повсеместно снижается численность партий, проводится деидеологизация их политического курса, ослабевает идентификация избирателей с конкретной партией, снижается устойчивость партийных предпочтений. Политика фрагментируется по темам, уровням, носит конкретный, монопроблемный характер. У современных партий, по сути, отсутствуют глобальные проекты. Происходит персонализация политики (по выражению У. Бека). Меняется социологический облик европейского общества, и политические партии стремятся к этому адаптироваться. В жизнь партий все больше вторгаются современные политические технологии: методы рекламы и коммерческого маркетинга, анализ избирательного поля с помощью опросов общественного мнения, общественные акции, съезды партий превращаются в шоу, максимально используются средства массовой информации, интервью партийных лидеров или кандидатов на выборах от партий, теледебаты. Задачей христианской демократии была дать ответ на эти новые вызовы, адаптировать свою структуру и идеи к новым требованиям, расширить социологическую базу.

Ранее французский историк С. Берстайн сделал акцент на социокультурной истории партий, их анализ через проект общества². Позднее, социологические и политологические исследования добавили к этому вес традиции, определение ментальности, социальную психологию, анализ внутрипартийных структур и механизмов, придали важность коллективным представлениям. Исследование политических партий стало проходить через их географическую имплантацию, механизмы рекрутирования членов, анализ политического активизма, электоральные результаты, отношение к истории, содержание пропаганды, региональное или департаментское влияние. Партии также все больше исследовались сквозь призму смены поколений, социо-профессиональную среду, возрастные категории³.

История французской христианской демократии в этом плане показательна. Она может рассматриваться как общественно-политический проект, предложенный французскому обществу, но так же через анализ внутренних механизмов, опросы и электоральный состав ее членов, поколенческие маршруты и т. п. Последний крупный общественный проект, который она предложила в XX веке, принадлежал партии МРП. В 1977 г., принимая новую платформу под названием «Другое решение», христианские демократы попытались к нему вернуться и актуализировать. Но уже тогда они были подавлены жискардизмом и «либеральной революцией». Поэтому 1980-1990-е годы это время мучительных поисков, адаптации к новым политическим условиям и появление «решения» Ф. Байру, которое обретет очертания нового проекта к

² Bernstein S. Les partis // Pour une histoire politique. P., 1988. P. 49–86.

³ Audigier F. Le renouvellement de l'histoire des partis politiques // Vingtième siècle. 2007. № 4(96). P. 123–136.

2007 г. Но является ли он еще христианско-демократическим? И можно ли его анализировать только с помощью методов классической политической истории? Во всяком случае, партия Байру уже не продукт исторических обстоятельств, как МРП, а скорее результат личной воли и амбиций.

Другое важное обстоятельство – это внимание к пропаганде, которое становится определяющим в дискурсе партии. С появлением телевидения и методов политического маркетинга характер партийной пропаганды меняется. Именно через телевидение партия «входит» в каждый дом, транслируя свои идеи, побуждая своих активистов реагировать на новую культурную данность или конкретное событие. Время секций, «команд», характерных для эпохи МРП, прошло. Христианско-демократические партии становятся более элитарными, с нотабилитарной структурой, постоянно ведется поиск лидера, способного конкурировать на президентских выборах. Более важна репрезентация партии на экране, нежели общественный проект. Приходит время «митингов по-американски». Соответственно меняется роль решающего события в жизни партии, которым вместо простой парламентской победы или участия в правительстве становятся раскол, силовая манифестация, решающие выборы, референдумы и т. п. Хотя сами выборы имеют прежнее значение (меняется только их иерархия в успешности партии). Они продолжают выступать как индикаторы общественного доверия к партии, географического влияния или имплантации (ценность каждого департамента, активиста), объясняют политическую стратегию партии. В этом плане выборы – это не только избиратели и программы кандидатов, но применение на практике партийной стратегии, расчета между политиками, движения общественного мнения (то есть попытка изменить соотношение сил). Наконец, остается важной проблема внутрипартийной демократии.

Данная монография неизбежно опирается на результаты, полученные отечественными и зарубежными специалистами, материалы французской прессы, социологические опросы, исследования в области электоральной географии и политической науки. Это позволило воссоздать общественно-политический и социокультурный фон происходивших событий, равно как и показать их влияние на эволюцию христианской демократии. В то же время автор стремился опереться на архивные и оригинальные источники, еще слабо введенные в научный оборот. В данном случае интерес представляло знакомство с архивом Народно-республиканского движения (уже многократно цитированного и использованного в предыдущей работе⁴), «Центра Демократия и Прогресс» и несколькими досье архива «Демократического центра» (Центра социальных демократов), к сожалению, не классифицированного и в силу этого ограниченно доступного исследователям, а также с досье президентского архива В. Жискара д'Эстена, касающимися политических партий.

Архив «Центра Демократия и Прогресс» содержит документацию, касающуюся первых лет существования «Демократического центра», но главным образом деятельности сторонников Ж. Дюамеля. Малоинформативный с точки зрения внутренней истории партии, почти не дающий информации о разворачивавшихся дискуссиях, он вместе с тем дает представление о ее функционировании сквозь призму различных циркуляров, «дней исследования», стенограмм заседаний политического совета партии, тематических досье, подборки партийных бюллетеней.

Архив Центра социальных демократов более разнообразен и детализирован, что проистекает из масштаба этой партии. Архив составляют материалы съездов, заседаний руководящих инстанций, циркуляры и переписка партийных лидеров, отчеты парламентских фракций, материалы работы комиссий и рабочих групп партии, документы избирательных кампаний, доктринальные документы, коллекции партийной прессы, различные брошюры, редакции устава,

⁴ Шмелев Д.В. Христианская демократия в послевоенной Франции: Народно-республиканское движение (1944–1967). Казань, 2011.

биографические справки, акты коллоквиумов, организованных социальными демократами, прочие документы, относящиеся к жизни партии. Большая часть документации (кроме опубликованной в официальной или партийной печати) остается слабо представленной в исследованиях из-за закрытости архива.

Президентский архив В. Жискара д'Эстена обширен и содержит разнообразную документацию, касающуюся политической жизни Франции периода 1974–1981 гг. Применительно к данной работе были использованы материалы досье технических советников президента – Филиппа Окутюрье (5 AG/3 1606, 1608) и Жана-Даниэля Камю (5 AG/3 1660), содержащих материалы прессы и аналитические данные о состоянии и политической деятельности ассоциаций и партий, в частности «Демократического центра», Центра социальных демократов и Союза за французскую демократию.

В целом, представленные в исследовании архивные документы, материалы партийной прессы, дают возможность более полно представить сложный процесс становления и эволюции современных партий, определить особенности партийного строительства и позиций христианских демократов по политическим и социально-экономическим вопросам.

Данная монография является продолжением моих исследований о партии МРП и христианской демократии. Выводы, сделанные в ходе прежних исследований, легли в основу новых рассуждений о месте и роли христианской демократии в политической жизни современной Франции.

Таким образом, исследуя политическую эволюцию французской христианской демократии во второй половине XX века, можно выделить три крупных периода, которые и определили структуру монографии.

Прежде всего, период с конца 1960-х годов и до 1974 г., ознаменованный избранием президентом В. Жискара д'Эстена. В 1967 г. единственная христианско-демократическая партия, которая могла бы играть роль первого плана среди течений подобного толка, – МРП – была распущена. Этот роспуск прошел на фоне дальнейшей эрозии католического электората, массово присоединившегося к голлизму, и культурной мутации французского католицизма, затронутого обновленческими тенденциями. Но отставка де Голля в 1969 г. и социально-политический кризис, охвативший Францию, дали новый шанс объединить тех избирателей, которые не принимали голлизм и коммунизм. Бывшие руководители МРП во главе с Ж. Леканюэ предприняли попытку создания новой партии – «Демократического центра» и сохранения оппозиционности центризма. В последнем случае возникает старый соблазн МРП предпринять объединение с умеренным левым флангом, но также одновременно продвигается вариант объединения с жискардистами, набиравшими политическую силу (тем более что Жискара не скрывал президентских амбиций). Однако часть христианских демократов не признали стратегию Ж. Леканюэ.

В этот период наблюдается широкий плюрализм христианской демократии. Существуют две центристские партии – «Демократический центр» и «Центр Демократия и Прогресс» с разной степенью интегрированности в биполярную логику и проводившие две разные политические стратегии. «Центр Демократия и Прогресс», ведомый Ж. Дюамелем, предпочел интегрироваться в голлистское правительственное большинство, тогда как «Демократический центр» Ж. Леканюэ остался в оппозиции. Помимо этих двух партий на левом фланге также имеет место разбросанность христианской демократии по разным группам и течениям, среди которых выделяется фигура Р. Бюрона, равно как и многочисленные левохристианские группы, получившие свой шанс на фоне деколонизации, событий Мая 1968 г. и подъема левых сил. Одновременно христианская демократия сталкивается с серьезной конкуренцией со стороны «независимых республиканцев» В. Жискара д'Эстена, выдвинувших похожие лозунги. Стечение обстоятельств, связанное с внезапной смертью Ж. Помпиду в апреле 1974 г., привело к досрочным президентским выборам и положило конец оппозиционному центризму.

Затем, жискарровский период существования христианской демократии (1974–1981). Несмотря на то, что в первом туре президентских выборов раскол двух центров сохранился (Ж. Дюамель поддержал голлиста Ж. Шабан-Дельмаса, а Ж. Леканюэ — Жискара), победа Жискара знаменовала начало перегруппировки центра. Ее итогом стало рождение Центра социальных демократов (ЦСД), но также «жискардизация» христианской демократии. Посредственные результаты ЦСД на местных выборах привели к пересмотру политической стратегии и вступлению в либеральную конфедерацию — Союз за французскую демократию (СФД). Начинается двадцатилетний период сосуществования христианской демократии, либерализма и радикализма в рамках одной политической структуры. Реальность «растворения» христианской демократии в СФД при одновременном закате левохристианских течений вела к поиску консенсуса и компромисса с другими политическими культурами (христианская демократия приняла жискардистский проект «передового либерализма» во имя Европы и социального идеала, но в последнем случае она оказалась левее жискардизма), эволюции ценностных ориентиров и программных установок, но вместе с тем пробуждала настойчивое стремление к политической автономии. Ставка христианских демократов на президентские выборы, через которые определялось ее мобилизующее влияние, показательна.

Наконец, период заката французской христианской демократии, растянувшийся на годы президентства Ф. Миттерана (1981–1995) и логически завершившийся к концу столетия с трансформацией ЦСД в «Демократическую силу» вокруг Ф. Байру. Тенденции, имевшие место в предыдущее президентство, сохранились и в последующее десятилетие. Заканчиваются последние баталии по проектам общества. Христианско-демократический центр оказывается зажатым между ультралиберализмом и социализмом. Именно противостояние с ними на фоне поиска автономии центра и своего кандидата на президентские выборы характеризуют эволюцию христианской демократии в «годы Миттерана». Она со всей очевидностью переживает смену поколений и кризис доктрины. Единственное, что остается неизменным в дискурсе христианской демократии — это верность европейской интеграции и единой Европе.

Начало XXI в. проходит уже под знаком заката христианско-демократической политической культуры. Христианская демократия оказывается на перепутье, идеологическом и политическом. Европейская идея успешно реализована, коммунизм за «железным занавесом» рухнул, социальное государство во Франции, по сути, построено. Но это удовлетворение от реализации идеалов приходится на партийный кризис. В начало нового столетия христианская демократия вступает с обновленным СФД (сведенным как раз усилиями Ф. Байру к одной этой составляющей) и попытками в очередной раз возглавить центризм, перемежающимися с личными амбициями своего нового лидера. Но этот центризм, как ни парадоксально, поглотил христианскую демократию. Создание в 2002 г. Союза за народное движение привело к тому, что центр христианского толка становится еще более фрагментарным, а христианская демократия, растворенная в нем, еще более маргинальной и расколотой. Новая политическая стратегия Ф. Байру, заявленная накануне выборов 2007 г., ведет к кризису линии преемственности и наследования, но в то же время в миниатюре повторяет прежние линии политической стратегии своих предшественников.

* * *

Автор выражает благодарность парижскому Дому наук о человеке, его администратору М. Вевьорке, сотрудникам фонда М. Кравери, С. Кольпар и Д. Ришар, руководителю программы *Directeurs d'études associées (DEA)*, за предоставленную возможность работать во французских библиотеках и архивах над темой исследования в октябре-ноябре 2014 г. и в июне 2015 г., сотрудникам Национального архива за помощь в подборе неклассифицирован-

ных документов, а также моим французским и российским коллегам за ценные советы и пожелания, высказанные во время написания данной работы.

Часть I

Христианская демократия на рубеже 60-70-х годов

Глава первая

От партии МРП к «Демократическому центру»

Закат партии МРП и создание «Демократического центра»

Политическая ситуация во Франции, сложившаяся вследствие проведения конституционного референдума и досрочных парламентских выборов осенью 1962 г., которые привели к поражению антиголлистской оппозиции, оказала большое влияние на судьбу христианской демократии. Их итоги продемонстрировали серьезный разрыв между официальной линией руководства партии Народно-республиканское движение (МРП) и настроениями ее электората, поддержавшим политику президента Ш. де Голля. Следствием этого поражения стали внутренние изменения в партии, когда к руководству партией пришло новое поколение христианских демократов, по сути, уже далеких от идеалов и целей времен основания партии и послевоенных баталий. Изменения в руководстве выдвинули на первый план такие фигуры, как Ж. Леканюэ, Ж. Фонтане, И. Абелен. В апреле 1963 г. Ж. Леканюэ стал председателем партии, что символизировало окончательный уход послевоенного поколения лидеров-основателей, лишенных былого политического влияния. В парламенте возникла фракция «Демократический центр», костяк которой составили депутаты, избранные от МРП (55 депутатов: 38 от МРП и 17 от «центристов»). По инициативе Ж. Фонтане создается «Комитет исследований и связи французских демократов» с участием «независимых», радикалов и некоторых социалистов центристского толка.

В соответствии с уставом партии изменения в руководящих инстанциях должны быть одобрены национальным съездом. Поэтому для Ж. Леканюэ было важным заручиться поддержкой рядовых активистов партии. Сделать это было возможно, по его мнению, предложив новый политический проект. На съезде МРП в Ла Боле 23–26 мая 1963 г. в выступлениях Ж. Леканюэ и Ж. Фонтане были обрисованы контуры такого проекта: необходимость создания новой партии (Ж. Леканюэ была предложена формула «демократического движения» как отражение реальности эпохи массовой демократии и возрождение попытки расширить партию за счет других сил), деидеологизация МРП и связанной с ней христианской демократии (как ответ на формирование новой политической культуры), центризм (как политическое наследие)⁵.

Провозглашая обновление партии, Ж. Леканюэ и Ж. Фонтане пробудили жаркие дискуссии о будущем христианско-демократического движения во Франции. Был проведен ряд коллоквиумов о путях и методах реформирования французской политической системы⁶. Активизировался левый фланг в самой партии⁷. Во многом под его давлением и с учетом политической

---

⁵ Forces nouvelles. 1963. 30 mai.

⁶ Например: La Democratie a refaire. Colloque France forum, Saint-Germain-en-Laye, 27–28 janvier 1962. P., 1963.

⁷ Впервые после ухода в оппозицию это произошло на съезде МРП в Дижоне в июне 1962 г., где критика вылилась в осуждении стратегии руководства партии и факта участия ее представителей в правительстве Ш. де Голля. См.: Seance du jeudi 31 mai (apres-midi). P. 1/3 //A.N. 350 AP 40 / 2 MRP 1. Dr. 77. XIX congres national. Dijon, 31 mai-3 juin 1962; Seance du samedi 2 juin (matinee). P. D/II, F/4 //ibidem. Dr. 78. XIX congres national. Dijon, 31 mai-3 juin 1962; Seance du jeudi 31 mai (apres-midi). P. K/7-K/9, L/1 //A.N. 350 AP 40 / 2 MRP 1. Dr. 77. XIX congres national. Dijon, 31 mai-3 juin 1962. Тогда же

конъюнктуры был выбран (точнее возрожден) следующий вариант политической стратегии: исключить сотрудничество с коммунистами и голлистами и сблизиться с социалистами на основе создания широкого левоцентристского (лейбористского по духу) объединения.

Необходимо отметить, что данная стратегия встретила поддержку значительной части активистов партии. Об этом, в частности, свидетельствует письмо Ж. Ковиля, члена федерации департамента Сены, одному из руководителей партии Л. Буру от 3 февраля 1964 г. В нем отмечается, что «лучший шанс в плане политической деятельности – повернуть клевым как можно большее число избирателей правых». В более отдаленном плане Ж. Ковилем предлагалось собрать «депролетаризированных» левых избирателей, что стало бы возможным при наличии двух условий: во-первых, продвижение концепции демократической и «деконфессиональной» новой силы, опирающейся в доктрине на средний путь между либерализмом и марксизмом; во-вторых, одновременная доктринальная ревизия со стороны социалистов⁸.

Это письмо, как и другие документы подобного рода, хранящиеся в партийных архивах христианской демократии, отражало намерение выйти из тех узких рамок, в которые оказалась зажатой МРП, вынужденная в годы V Республики группироваться с голлистами и «независимыми». По сути, ставилась конкретная стратегическая задача – закрепить антиголлистскую позицию (новые лидеры МРП признавали невозможность какого-либо согласия с голлистской партией Союз за новую республику (ЮНР) в данный момент по многим вопросам, хотя и допускали создание временных избирательных коалиций на местах), осуществить разворот к центру (но центру не христианско-демократического толка, как хотела долгие годы МРП, а понимаемому в широком смысле – от «независимых» до умеренных социалистов), попытаться наладить конструктивное сотрудничество с социалистами (хотя необходимо отметить, что эта цель выглядела несколько иллюзорной ввиду растущего сотрудничества между Социалистической партией (СФИО) и коммунистами). Иными словами, при любом раскладе подразумевался выход за рамки христианской демократии. Не случайно, политические наблюдатели в своих анализах предпочитают говорить о «центристах», нежели о «христианских демократах».

Многочисленные опросы, проводимые среди членов партии по инициативе ее руководства, отражали желание изменения. Например, опрос, проведенный федерацией департамента Сена в марте 1963 г. (опрошено примерно 600 человек). Причинами потери МРП значительной части своих избирателей 79 человек назвали «альянс со старыми партиями», 60 – отрицательную позицию на референдуме, 51 – недостаточную программу, 46 – нехватку пропаганды, 21 по причине разногласий в отношении позиции «Картеля сторонников нет». Среди других причин опрошенные назвали голосование по вотуму недоверия правительству, антиголизм МРП, пассивность избирателей, стремление партии во что бы то ни стало участвовать в правительстве, «обуржуазивание» МРП, недостаток поддержки активистов, отсутствие «телегеничных» ораторов и др. Кроме того, 53 считали причиной измену «клерикальной» клиентелы, 36 – избирателей-женщин, 26 – молодежь, 17 – «средние классы», 4 – рабочих, 2 фермеров⁹.

В этом же опросе федерации департамента Сена прослеживается отношение народных республиканцев к стратегии руководства и депутатов МРП. Из примерно 500 опрошенных создание парламентской фракции «Демократический центр» считали слишком поспешной 52 (ответили отрицательно 51). 21 считали, что необходимо отвергнуть всех тех, кто не слева или недостаточно социально ориентирован против 82, высказавшихся против такого подхода. 18

в состав исполнительной комиссии МРП были введены представители левого фланга (Т. Браун, А. Генен и др.). С декабря 1963 г. после объявления кандидатуры Г. Деффера как возможного кандидата левых сил на президентские выборы левый фланг МРП получил дополнительный шанс для мобилизации.

⁸ Письмо Ж. Ковиля Л. Буру, 3 февраля 1964 г. /Архив Национального фонда политических наук (АНФПН). Фонд МРП. Федерация Сены. MRPS 32. Relations de la federation avec les organisations exterieures au MRP (1949–1965). Dr. 8. Regroupements. 1963–1964.

⁹ Recapitulation des Reponses au 1er Questionnaire federal «Raisons de notre recul electoral» [28 mars 1963] //АНФПН. Mouvement Republicain populaire. Federation de la Seine. MRPS 13. Dr. 2. Enquete MRP. 1962–1963.

по-прежнему полагали, что МРП должна остаться оригинальной против 64. При этом только 32 рассматривали создание новой фракции в парламенте всего лишь этапом в перегруппировки политических сил, а 29 сожалели, что у нового объединения нет ни программы, ни доктрины. Наконец, 28 считали «очень трудным определить позиции, присущие МРП», в этом объединении¹⁰.

С мая 1964 г. для освещения новой стратегии и консолидации сил вокруг Ж. Леканюэ начинает выходить новый ежемесячный орган «Курьер демократов». На его страницах обсуждались как актуальные политические и социально-экономические проблемы (например, реформа телевидения и радио, проблемы национальной обороны и бюджета¹¹), так и новая стратегия христианской демократии. Издание первоначально позиционировало себя как орган «Комитета исследований и связи демократов», затем стало преимущественно органом «Демократического центра». В одном из номеров так объяснялись задачи новой стратегии ввиду неопределенности политической ситуации во Франции: подготовить постголлизм (обновляя методы, цели, людей), создать новую партию, которая «имеет целью объединить большинство людей, заботящихся о стабильной и эффективной демократии, бесспорно, знающих, потребности организованной экономики, в которой свобода предпринимательства, производства и потребления может существовать лишь благодаря координации и дисциплине, то есть демократически подготовленному плану». Новая стратегия предполагала отказ от двухпартийной системы англо-саксонского типа, нарушающей политическое равновесие, через создание широкого и стабильного объединения главных течений французской демократии, исключая авторитарную правую и крайне левых¹².

В развернутом виде размышления были представлены в брошюре, изданной в апреле 1965 г. под названием «Почему Демократический центр?». Анализируя ее текст, можно выделить несколько ключевых для того периода тезисов. Во-первых, констатация, что «границы партий больше не соответствуют реальности Франции», следовательно, надо выйти за них. Во-вторых, любой политический, экономический или социальный режим должен быть обращен к человеку, личности, интегрированной в сообщество. В-третьих, политическая демократия «требует одновременно необходимого авторитета государства, хранителя общего блага, демократического контроля власти и активного участия все большего количества граждан в осуществлении своих ответственностей». Она должна быть основана на уважении фундаментальных свобод, гарантии их реализации и признании плюралистичного характера французского общества. В-четвертых, экономическая и социальная демократия предполагает не только защиту рабочих от угрозы их безопасности, но и перераспределение плодов прогресса, свободное объединение в ассоциации, обладающие необходимыми полномочиями, доступ к культурным благам и личному продвижению. Но экономическая и социальная демократия должны развиваться в рамках планирования, свободного предпринимательства и личной инициативы. В-пятых, требование уважения конституции 1958 г. и критика правительственного стиля, «сконцентрированного на одном человеке» (имелся в виду президент де Голль)¹³.

В этой же брошюре были намечены ряд реформ. Речь идет: 1) о создании Верховного суда как «независимого конституционного органа, контролирующего конституционность законов и решений», в том числе инициативу референдума; 2) реформе французского телевидения и радио, которая мыслилась прежде всего за счет расширения состава административного совета

¹⁰ Recapitulation des Reponses au 2e Questionnaire federal «Le Groupe parlementaire Centre Democratique» //АНФПН. Mouvement Republicain populaire. Federation de la Seine. MRPS 13. Dr. 2. Enquete MRP. 1962–1963.

¹¹ Например: Courrier des démocrates. № 1. Mai 1964 (о реформе ОПТФ); № 6. Janvier 1965 (о проблемах национальной обороны).

¹² Pourquoi le Comité d'études et de liaison des démocrates? //Courrier des démocrates. № 2. Juin 1964.

¹³ Pourquoi le Centre Démocrate? P., 1965. P. 3–5 //A.N. Fonds du Centre Démocratie et Progrès. 420 AP 1. Correspondance, notes, circulaires du Centre Démocrate, puis du Centre Démocratie et Progrès. 1965–1970.

ОРТФ и наделения его правом вето на решения генерального директора, доступ к принятию решений различных политических и общественных организаций, расширение финансовой автономии; 3) региональной реформе, которая подразумевала перераспределение полномочий (особенно финансовых) в вопросах оснащения, инфраструктуры, образования, здравоохранения, туризма, сельского хозяйства, новое определение состава регионального экономического совета (в него должны войти представители профсоюзов, семейных ассоциаций, фермеров, торговцев и др.), развитие роли экономического и социального совета и т. п. Что касается внешней политики, то речь шла о создании европейской исполнительной власти под контролем Европейского парламента; реформе структуры Европейского парламента (он должен был бы состоять из двух палат – одной, избранной всеобщим голосованием, второй, представители которой определялись бы государствами Сообщества), создании «автономной» обороны, но с тесным сотрудничеством с Атлантическим альянсом; сотрудничество со странами третьего мира, в том числе «создание сообщества франкоговорящего африканского мира»¹⁴.

Таким образом, высвечивались контуры новой программы. Они содержали как ряд прежних тезисов христианской демократии, так и несколько конъюнктурных требований, что призвано было подчеркнуть преемственность идей и адекватную оценку ситуации. Можно выделить три крупных блока: во-первых, отсылка к персонализму (личность, свобода и т. п.), во-вторых, требование политической и социальной демократии (государство как хранитель общего блага, планирование, свобода предпринимательства, перераспределение ресурсов), в-третьих, регионализация (децентрализация). Что касается требуемых реформ, то их перечень отражал текущее состояние функционирования институтов и ход парламентских дебатов и был призван подчеркнуть вовлеченность партии в политическую жизнь.

Муниципальные выборы 14 и 25 марта 1965 г. не привели к упрощению политической ситуации, оставшейся трудной для всех партий. Главной чертой стало фактическое отсутствие единства действия в рядах правых и левых в крупных и средних городах. Среди официальных списков СФИО был 21 список союза с правыми, центристами, МРП и «независимыми». Из 81 города с населением более 30 тыс. жителей правые выступили единым фронтом лишь в 34 городах. В 47 других городах атакам со стороны ЮНР подверглись все партии¹⁵. Что касается итогов выборов для МРП, то из 12 «уходящих» мэров 10 было переизбрано и выиграно 4 новых мэрии. МРП одержала верх в Блуа, Ле Мане, благодаря поддержке ЮНР, выиграла у социалистов Кламар и Бург-ан-Бресс, но проиграла в Монтбане и Шоле¹⁶. Ее влияние осталось стабильным.

Анализируя итоги прошедших в марте 1965 г. муниципальных выборов (которые рассматривались как срез настроений общественного мнения в преддверии президентских выборов в декабре того же года), «Курьер демократов» указывал на два важнейших результата: тенденция к упрощению «веера списков», особенно в городах (в среднем было представлено три-четыре списка в каждом), «почти полное объединение вокруг трех полюсов вместо дуэли между ЮНР и коммунистами» (левые, правые и центр как третий полюс). Касаясь политических «предпочтений», отмечалось, что на левом фланге объединения включали преимущественно коммунистов, Объединенную социалистическую партию (ОСП), СФИО, в центре – под знаком комитетов демократов (народные республиканцы, радикалы, социалисты, «независимые»), справа – списки ЮНР и «независимых республиканцев». Общий вывод бюллетеня гласил: «мэрии крупных городов контролировались центристскими списками»¹⁷.

¹⁴ Pourquoi le Centre Démocrate? P., 1965. P. 7–8, 10, 12–13, 28. 33–34, 38 // A.N. Fonds du Centre Démocratie et Progrès. 420 AP 1. Correspondance, notes, circulaires du Centre Démocrate, puis du Centre Démocratie et Progrès. 1965–1970.

¹⁵ Martin P. Le elections municipales en France depuis 1945. P., 2001. P. 74–75.

¹⁶ Ibid., P. 79–80.

¹⁷ Centre Démocrate: la voie est ouverte // Courrier des démocrates. № 8. Avril 1965.

Дальнейшие дискуссии как в рядах МРП, так и среди политических сил, оппозиционных голлизму, прошли под знаком двух событий: возможного выдвижения кандидатуры социалиста Г. Деффера на предстоящих в 1965 г. президентских выборах и обсуждения проекта создания демократической и социалистической федерации.

Продвигая свой проект широкого центристского объединения, партия МРП не осталась в стороне от дискуссий вокруг единой кандидатуры на президентских выборах, которая была бы противопоставлена де Голлю, и проекта «Федерации». В рядах МРП все больше утверждается мнение, что партия «выполнила свою историческую миссию»¹⁸.

Оно находит выражение в требовании реформы организационной структуры, преодолении сопротивления изменениям со стороны федераций партии, интенсификации работы доктринальных и прочих партийных комиссий. Также с приближением даты выборов для членов партии становилось очевидным, что Ж. Леканюэ разыгрывает свою личную карту, стремясь освободиться от груза прошлого МРП и что дискуссии об объединении с социалистами в его понимании не более чем политический маневр. Во всяком случае, левые активисты партии МРП вновь оказались разочарованными, а вынашиваемый ими проект «лейборизма по-французски» снова отвергнутым. Этот момент будет иметь большое значение в дальнейшей эволюции французской христианской демократии.

После провала кандидатуры Г. Деффера в июне 1965 г. и отказа А. Пинэ в сентябре того же года стать кандидатом на президентских выборах, Ж. Леканюэ в октябре сделал ключевое заявление: «Центр будет иметь своего кандидата в любом случае. Если никто не представляет более сильного потенциала голосов, чем я, то я соглашусь быть таким кандидатом». Будучи председателем МРП, Ж. Леканюэ получил поддержку ее членов. Тогда же были проведены переговоры с профсоюзами, в том числе с Французской конфедерацией христианских трудящихся (ФКХТ). После заседания национального бюро МРП 15 октября 1965 г. Ж. Леканюэ официально объявил о выдвижении своей кандидатуры на президентские выборы¹⁹.

26 октября 1965 г. на пресс-конференции он обозначил основные аспекты своей предвыборной программы. В экономической области он подчеркнул важность сохранения свободного обмена между западными странами и отверг возврат к протекционизму, «то есть дорогой жизни, стагнации уровня жизни и безработицы». Он отметил важность европейской экономической интеграции и создания Общего рынка. По его словам, в современном мире, где доминируют СССР, США, а завтра будет доминировать Китай, для Франции нет иного спасения кроме как «интеграция в свободную Европу»: «независимость не является реальной», а «свобода эффективна лишь в могуществе», но «могущество возможно для нас лишь в единой Европе». Ж. Леканюэ утверждал, что V Республика не дает средства для достижения этой цели. Европа в его понимании является единственным средством «не попасть под американскую гегемонию». «Это также единственное средство установить подлинное военное равновесие, включая, если понадобится, атомное, внутри Атлантического альянса и сделать возможным, таким образом, сотрудничество равных партнеров между единой Европой и Соединенными Штатами Америки», – отметил он. В случае своего избрания Ж. Леканюэ обещал скрупулезно применять конституцию. Президент должен осуществлять арбитраж, парламент должен контролировать, правительство управлять. Парламентское большинство, «перестав быть безусловным», будет полностью осуществлять свой контроль. Он также высказался в пользу «автономного,

¹⁸ В выступлении Ж. Леканюэ на съезде МРП в Ле Туке (1964 г.) этот тезис прозвучал следующим образом: «За двадцать лет своего существования МРП полностью выполнила свою миссию. Она защитила Францию от коммунистического разрушения, открыла эру социального прогресса, заложила основы единой Европы и отделила для всех духовное от рационального. В течение этого периода она сделала возможным в нравах и сердцах французов присоединение к Республике спиритуалистской традиции» //Le discours de Jean Lecanuet (discours de cloture) //Action civique et politique. № 11. 1964. Juin. P. 2 // A.N. 350 AP 42 / 2 MRP 1. Dr. 83. XXI congrès national. Elections. Motions. Rapports.

¹⁹ Forces nouvelles. 1965. 15oct.

либерального и плюралистичного статуса ОРТФ [Организация французского телевидения и радио. – *Д.Ш. /*]. Наконец, Ж. Леканюэ объявил о своем желании упростить политические течения и «создать центр политической жизни, то есть демократическое, социальное и европейское движение». Его лозунгами стали «новая политика» и «новая политическая сила». Ж. Леканюэ объявил себя «кандидатом предложения» и выразил намерение привлечь в случае своей победы к управлению страной самые широкие политические силы²⁰.

Впрочем, поддержка Ж. Леканюэ была размытой. Если рядовые члены МРП высказались за его кандидатуру, то отдельные лидеры партии были более сдержанными. П. Пфлимлен поддержал Леканюэ не без колебаний, скорее по «европейским причинам» и из-за приверженности того Атлантическому альянсу, уточняя при этом, что для него нет речи о проведении антиголлистской кампании и противостоянии режиму. Однако М. Шуман, например, воздержался от проведения кампании в поддержку Ж. Леканюэ из-за симпатий к голлизму. Справа Ж. Леканюэ получил поддержку Национального центра независимых и крестьян (НЦНК), таких личностей как бывший адвокат маршала Петена Ж. Изорни или лидер католиков-интегрисов Ж. Сож. Слева он мог рассчитывать на поддержку радикалов М. Форы и Ж. Дюамеля, но не всей партии радикалов. Журнал «Экспресс», ранее инициировавший дискуссию о виртуальном кандидате «Месье Х», поддерживал одновременно Ф. Миттерана и Ж. Леканюэ²¹.

Компенсировать размытость поддержки предполагалось за счет проведения динамичной избирательной кампании. Она строилась уже по современным канонам, на американский манер. Учитывалась роль опросов общественного мнения, в избирательном штабе были специальные советники, консультировавшие по вопросам кампании (например, рекламщик М. Бонгар). Формировался медийный образ кандидата, которого преподносила как «французского Кеннеди» с белозубой улыбкой («Monsieur dents blanches»)²². В целом, Ж. Леканюэ можно назвать первым центристским кандидатом, использовавшим политический маркетинг.

Расчет Ш. де Голля был на повторение успеха 1962 г. и переизбрание с первого тура. Некоторые надежды на это давали данные опросов общественного мнения, показывающие, например, намерения голосовать в октябре 1965 г. за де Голля 69 % избирателей, за Ф. Миттерана 22 %, за Ж. Леканюэ 5 %. Но тактической ошибкой де Голля стало слишком позднее объявление о выдвижении своей кандидатуры – 4 ноября, когда общественное мнение стало меняться, а основные кандидаты уже вступили в борьбу. Знаковым моментом президентских выборов стало влияние телевидения. До начала кампании оппозиция почти вытеснена из него, но когда во время нее она получила доступ, то произвела «эффект шока» среди телезрителей: молодость кандидатов в противовес 75-летнему де Голлю, трансляция новых идей в противовес старым голлистским лозунгам. В итоге, к кануну первого тура выборов поддержка избирателей де Голля снизилась до 43 %²³.

В первом туре президентских выборов, состоявшемся 5 декабря 1965 г., Ж. Леканюэ удалось собрать порядка 3 767 404 голосов (15,8 %). Но этого оказалось недостаточным, чтобы преодолеть барьер первого тура. Во втором туре соревновались Ш. де Голль и Ф. Миттеран. По итогам голосования во втором туре победу одержал Ш. де Голль, набравший 54,5 %²⁴.

Каким образом можно оценить итоги выборов для христианской демократии? Нет никаких сомнений, что они имели большое значение для функционирования институтов и имиджа оппозиции. В перспективе выборов, как отмечают французские историки С. Берстайн и М. Винок, оппозиция оказалась перед альтернативой: отказаться участвовать в выборах, бойкоти-

²⁰ Le Monde. 1965. 28 oct.

²¹ Dreyfus F.-G. Histoire de la démocratie chrétienne en France. P., 1988. P. 335.

²² Rioux J.-P. Les centristes. De Mirabeau à Bayrou. P., 2011. P. 152, 173.

²³ Bernstein S. L'élection présidentielle dans le jeu politique français (1965–2005) // Parle-ment(s). Revue d'histoire politique. 2005. № 4. P. 58–59.

²⁴ Becker J.-J. Histoire politique de la France depuis 1945. P., 2000. P. 111–112.

руя их, «чтобы лишить ожидаемую победу Генерала всякого значения», или выставить против де Голля единого кандидата. Обе альтернативы выглядели опасными. Отказ от участия означал бы отказ от идеи всеобщего голосования, что нарушало программные положения ряда партий оппозиции, а также маргинализацию политиков, вставших на этот путь в условиях эры массовой демократии. В этом ключе кандидатура П. Мендес-Франса как возможного единого кандидата была лишена всякой перспективы²⁵. Но участие в выборах означало легитимацию этой процедуры, которая одновременно оказывалась чуждой политической культуре большинства руководителей оппозиционных партий. В итоге, оппозиция выбрала участие, тем самым сделав новый шаг к признанию институтов и правил игр. Участие оппозиции в выборах придало легитимность реформе де Голля. Но в ее рядах это было обставлено желанием лишить будущего главу государства самого эффективного его оружия – возможности прибегнуть к статье 16 конституции и права консультироваться с народом через референдум²⁶. Однако Ш. де Голль проиграл в другом: выборы превратились не в столкновение между национальными политическими лидерами, а в борьбу партий, двух блоков. Сам уходящий президент вынужден был опереться на своих сторонников из ЮНР и «независимых республиканцев». Таким образом, проект исключения партий из решающего голосования провалился²⁷.

Этот итог четко уловило руководство МРП, которое, опираясь на высокий процент, полученный Ж. Леканюэ в первом туре, получило дополнительный импульс своей стратегии по созданию новой партии. Партии продолжали играть большую роль в политической жизни страны, хотя и были «скрыты» за своими кандидатами во время избирательной кампании. Было очевидно, что без опоры на них выиграть президентские выборы было невозможно. Осознавая этот факт, руководство МРП вскоре предпримет серьезные шаги по сплочению электората вокруг Ж. Леканюэ.

Французский политолог Ж.-Л. Шарден, комментируя итоги выборов, отметил практическое отсутствие партий в ходе президентской кампании. По его словам, «антиголизм, как и голлизм, связан с личностью». «Живые силы», о которых часто говорили соперники де Голля, почти не проявили свою «жизнеспособность» в последней фазе выборов. В итоге, имела место достаточно традиционная кампания на основе митингов, крупных собраний, встреч с нотаблями. Единственной новацией стали телевизионные выпуски с выступлениями кандидатов. Для левых сил итоги выборов имели тройное значение: поддержка Ф. Миттерана привела к созданию нечто вроде «картеля левых сил», что делало затруднительным «центризм» Г. Деффера; ФКП вышла из политической изоляции, поддержав Ф. Миттерана; поддержка и опора самого Ф. Миттерана оказались весьма размытыми. Ситуация же для Ж. Леканюэ была сравнима с миттерановской, за исключением того факта, что Леканюэ мог безусловно опереться только на кадры партии МРП, председателем которой он являлся. Но его положение осложнял раскол электората, в котором были сильны проголлистские симпатии. Более того, во втором

²⁵ В 1962 г. П. Мендес-Франс опубликовал книгу «Современная республика» (*La République moderne*), в которой подверг критике методы управления де Голля и высказался в пользу альтернативы режиму V Республики, предполагавшей утверждение верховенства парламента, контракт легислатуры и концепцию демократии, исходящей снизу, от рядовых граждан.

²⁶ Статья 16 гласила: «Когда институты Республики, независимость нации, целостность ее территории или выполнение международных обязательств оказываются под серьезной и непосредственной угрозой, а нормальное функционирование конституционных государственных властей прекращено, Президент Республики принимает меры, которые диктуются этими обстоятельствами, после официальной консультации с Премьер-министром, председателями палат, а также с Конституционным советом...» // Конституции зарубежных государств. М., 1996. С. 109.

²⁷ Berstein S., Winock M. *Le République recommencée. De 1914 a nos jours*. P., 2008. P. 390, 392. Желание Ш. Де Голля покончить с «диктатурой партий» выглядит несколько двусмысленным на фоне принципов, заложенных в конституции V Республики: прямых всеобщих выборов президента и необходимость для правительства опираться на парламентское большинство. Таким образом, «мажоритарный факт» выступает конституирующим элементом новой политической системы. Кроме того, статья 4 конституции впервые в истории признавала роль партий в политической жизни // Perraudon E. *Le système des partis sous la Ve République* // *Pouvoirs*. 2001. № 4(99). P. 102.

туре избиратели Ж. Леканюэ предпочли проголосовать за ш. де Голля, а не Ф. Миттерана, дезавуируя тем самым своего антиголлистки настроенного кандидата²⁸.

Важным был факт, что Ж. Леканюэ и Ф. Миттеран стали политическими фигурами первого плана. Левая и правая оппозиция перегруппировались. Партии сумели адаптироваться к новым правилам. С 1965 по 1974 г. функционирует система «институционального треугольника». Во главе нее находится президент, избранный всеобщим голосованием, затем – премьер-министр, назначаемый президентом и контролирующий проведение в жизнь президентских решений, наконец, Национальное собрание, контролирующее функции которого оказываются парализованными мажоритарной президентской партией, гарантирующей нужное голосование по бюджету и избавленной от вотума недоверия своим численным весом²⁹.

Еще одним итогом президентских выборов 1965 г. стало принятие центристами правил политической игры. Ж. Леканюэ преуспел в забаллотировании Ш. де Голля, но не смог обеспечить единство центристов. По мнению политолога С. Сюра, они по-прежнему делились на три категории: те, кто был положительно настроен по отношению к де Голлю, те, кто положительно воспринял кандидатуру Ф. Миттерана, и те, кто выступал за сохранение центристской автономии³⁰.

Реалистично оценивая разбросанность центристского электората по политическому спектру Франции, делая ставку на широкое объединение (т. е. сплочение центристского электората), Ж. Леканюэ в то же время отверг биполяризацию, предпочитая не делать явного выбора между голлизмом и левыми. Эта осознанная стратегическая ставка на широкое центристское объединение вокруг новой политической силы создавала дополнительную трудность в реализации проекта. Тем более, что налицо было совпадение между народным большинством, определяемым результатами референдума 1962 г. и президентскими выборами, и парламентским большинством, полученным в результате выборов³¹.

После президентских выборов руководство МРП стало форсировать создание новой политической группировки. Еще в ноябре 1965 г., во время президентской кампании, «Курьер демократов» опубликовал программные контуры будущей новой партии, которые концентрировали внимание на следующих постулатах: 1) стабильность требует «новой силы», которая должна объединить всех демократов; 2) необходимо гарантировать полную занятость, особенно трудоустройство молодежи, развивать «солидарность нации в пользу неблагополучных категорий населения»; 3) продолжать политику «активной экспансии» в экономике; 4) развивать «Общий рынок», который предлагает «нашей экономике благоприятную среду организованной конкуренции и единственный, кто открывает нашему сельскому хозяйству перспективу растущего рынка сбыта, роста доходов и разделенного с партнерами финансирования»; 5) открытость ЕЭС Великобритании, равенство с США «в рядах переуравновешенного Атлантического альянса», равноправие с СССР в политике мирного сосуществования, поддержка стран «третьего мира» со стороны Соединенных Штатов Европы («новый гуманизм»)³².

9 декабря 1965 г. Ж. Леканюэ заявил о предстоящем создании нового движения. 7 января 1966 г. был опубликован манифест, содержащий три основных темы: «новая сила», «план прогресса», «единая Европа»³³. В этом же месяце на страницах «Курьера демократов» был дан анализ и перспективы политической стратегии новой партии. Отмечались успешные, по мнению издания, итоги президентских выборов для Ж. Леканюэ и центристов, но вместе с тем

²⁸ Chardin J.-L. L'élection présidentielle et les forces politiques // Revue française de science politique. 1966. № 1. P. 206–207, 210, 212–213.

²⁹ Bernstein S. L'élection présidentielle dans le jeu politique français... P. 61.

³⁰ Sur S. L'assimilation progressive par les centristes // Revue française de science politique. 1984. № 4–5. P. 831.

³¹ Perradeau E. Le système des partis sous la Ve République // Pouvoirs. 2001. № 4(99). P. 109–110.

³² Pour une force démocrate, sociale et européenne // Courrier des démocrates. № 11. No-vembre 1965.

³³ Forces nouvelles. 1966. 13 janv.

отвергалось мнение, что Ж. Леканюэ был «слишком справа», слишком очевидно располагал себя в правом центре, поскольку его поле маневра оказалось слишком узким из-за сложных отношений с Федерацией левых сил. Подчеркивалось, что отказ от союза с ФДСЛС был инициативой не только Ж. Леканюэ, но и продиктован эволюцией самой Федерации. Констатируется приход в политику нового поколения центристов и христианских демократов. В вопросе ближайших задач предписывалось организовать деятельность «департаментских команд» для подготовки к парламентскими выборам 1967 г.: провести социо-профессиональные исследования департаментов, расширить пропаганду и распространять информацию среди населения, развивать экономическую и социальную деятельность в рамках каждого департамента, устанавливать контакты с организованными группами, общественными и политическими силами³⁴. Иными словами, была сделана ставка на конкретные политические проекты, призванные дать быстрый результат. Было определено название новой партии – «Демократический центр» (ДЦ). Важным было вписать ее в существующий расклад политических сил.

Относительно позиционирования «Демократического центра» в политическом раскладе французских партий изначально существовали проблемы, о которых говорили как сами его сторонники, так и политические комментаторы. Например, политический комментатор газеты «Монд» Р. Барийон так размышлял о проблеме, может ли «Демократический центр» избежать сползания к правому центру (то есть стать в полном смысле слова центристским). По его мнению, существуют три трудности: 1) проблемы внутри СФИО, члены которой не могут избавиться от предрассудков в отношении христианской демократии, но часть которых привлекал «новый стиль» Ж. Леканюэ; 2) проблемы в МРП, в частности в ее молодежных структурах, руководство которых уже участвует в работе по организации новой партии, но перед членами которых ставится следующий вопрос: «если уже было затруднительным эффективно действовать в рамках МРП, то будет ли возможным изменить направленность “Демократического центра” к “прогрессистскому” выбору, если он не получит слева достаточные гарантии и поддержку?»; 3) радикалы, которые снова оказались перед проблемой двойного членства. К этим трудностям необходимо добавить сложные отношения с новым правительством. В то же время «Демократический центр», по мнению Р. Барийона, имеет три «козыря»: эффективная избирательная кампания в декабре 1965 г., которая дала определенные надежды избирателям; возраст членов партии (порядка 40 тыс., преимущественно молодые, из служащих, крестьян и студентов); желание создать новую партию (Ж. Леканюэ хочет создать «реформаторскую партию, которая не была бы ни коллективистской, ни консервативной»)³⁵.

Один из участников создания ДЦ, принадлежащий к партии «независимых», Д. Бодуен отмечал: «Если левый центр откажется занять четкую политическую позицию, то для “Демократического центра”, чтобы расширить свою опору, естественно будет заманчиво развиваться к открывающемуся горизонту – правому центру, где тогда очень быстро начнется забег на короткие дистанции между Леканюэ и Жискара д’Эстеном»³⁶. Сам Ж. Леканюэ отмечал в те дни, косвенно подтверждая возникшую дилемму: «Крайне правые и голлисты меня атакуют. Это показывает, что центр, который я создаю, не является правым центром. Что касается Жискара д’Эстена, он располагается справа от голлизма. Он имеет право представлять консервативное крыло голлизма, но это показывает, что существует различие между тем, что они хотят, и тем, что делаю я»³⁷.

2 февраля 1966 г. было официально объявлено о создании «Демократического центра». В него вступило большинство руководителей и активистов МРП, а также часть активистов

³⁴ Courrier des démocrates. № 12. Janvier 1966.

³⁵ Le Monde. 1966. 9-10 janv.

³⁶ Le Monde. 1966. 19 janv.

³⁷ Combat. 1966. 17 janv.

Национального центра независимых и крестьян (НЦНК) и левоцентристов. Другая часть христианских демократов ушла в ЮНР, как М. Шуман, или в ФДСЛС, как Р. Бюрон³⁸. П. Пфлимен³⁹, бывший председатель МРП, вообще отказался вступать в «Демократический центр» или в какую-либо иную партию. В целом, «Демократический центр» призван был объединить христианских демократов, либералов и «умеренных левых»⁴⁰.

Временная структура партии была сформирована следующим образом: председатель Ж. Леканюэ и два его заместителя – П. Бодрей (*secrétaire particulier*) и Р. Гросфийей (*charge de mission*), руководящий комитет, политический совет, генеральный секретариат (генеральный секретарь Т. Браун, два его заместителя – Д. Бодуен и К. Легрез, а также административный секретариат, возглавляемый К. де Шамбо), «команды», отвечающие за определенные сектора деятельности⁴¹.

С момента создания «Демократический центр» заявлял о своей приверженности центризму, который, как заявляли его руководители, подразумевал «отказ от голлистской мажоритарной игры» (что уже проявилось во время муниципальных выборов в марте 1965 г., когда был создан «Союз мэров крупных городов» с антиголлистской направленностью). Однако антиголизм не мог служить единственным консолидирующим элементом, поскольку рождал, по мнению политологов Ж.-Л. Пароди и Р. Кейроль, проблему связи между повседневными позициями, которые подразумевают присутствие в ассамблеях, и принципиальной непримиримостью активистов партии в отношении голлистов. Не случайно почти вслед за объявлением о создании партии следует коммюнике ее руководства, в котором, в частности, говорится: «Кроме того, Комитет исследований и связи демократов продолжает свою деятельность в предшествующих формах и целях, вдохновляемый недавно сформированным руководящим комитетом». Учитывая, что задачей Комитета была организация центра, данное коммюнике означало признание со стороны руководства новой партии, что «Демократический центр» на данный момент воплощает не весь центр и что, например, левые в этом комитете не участвуют. Более того, к весне 1966 г. стало очевидным, что близкие по духу и стратегии партии по-прежнему существуют и не спешат объединяться вокруг новой силы. Поэтому «Демократический центр» постепенно эволюционирует в сторону классической партии с уставом, хартией, лидером, что позже подтвердит его учредительный съезд⁴².

Такая эволюция была предопределена не только нежеланием левых влиться в ряды ДЦ, но и весьма сдержанным отношением к нему со стороны правых, в частности «независимых» (несмотря на участие некоторых их представителей в его создании). Поэтому «Демократический центр» испытывал конкуренцию и давление со стороны «независимых». Но «независимые» не имели четкой структуры, организации, дисциплины. Внутри НЦНК по-прежнему сохранялось сильное давление Жискара и его сторонников. В январе 1966 г. В. Жискара д'Эстен создает Национальную федерацию независимых республиканцев (НФНР), провозгласившую себя «либеральной, центристской и европеистской». Иными словами, стратегия Леканюэ столкнулась с аналогичной стратегией Жискара. Оба теперь играют на одном поле.

Изначально Жискара заявляет о себе как противнике Леканюэ. «Что означает центр, который занимает позиции, противоречащие выбору трех четвертей его избирателей?», – говорит он. Однако в первое время НЦНК вслед за одним из своих лидеров К. Лорансом дистанцируется от Жискара. «Для ответственных лиц Национального центра независимых движение Жана Леканюэ было структурой приема: они цеплялись за него, чтобы не быть забытыми. Они чув-

³⁸ В декабре 1966 г. он создал собственное движение «Objectif 1972», о котором речь пойдет ниже.

³⁹ Он считал позицию лидеров «Демократического центра» слишком антиголлистской: *Le Figaro*. 1966. 24 avr.

⁴⁰ Leveque P. *Histoire des forces politiques en France*. T.3. De 1940 à nos jours. P., 1997. P.275.

⁴¹ *Courrier des démocrates*. № 15. 18 avril 1966.

⁴² Parodi J.-L., Cayrol R. *Le centrisme, deux ans après* // *Revue française de science politique*. 1968. № 1. P. 94–96.

ствуют, что эта забота, благодаря Жискару, становится бесполезной»⁴³, – писала газета «Темуньяж кретьен». Тогда, чтобы сохранить голоса и сторонников, полученных на президентских выборах, избежать эрозии электората, по инициативе Ж. Леканюэ вводится индивидуальное членство, что дало порядка 20 тыс. новых членов партии.

Продолжались трудности в отношениях с радикалами. Как отмечает Г.Н. Канинская, обсуждению политической стратегии радикалов и в частности их позиции по отношению к «Демократическому центру» было посвящено несколько заседаний руководящих инстанций и съезд, проходивший в ноябре 1966 г. в Марселе. Но сторонники стратегии Ж. Леканюэ оказались в меньшинстве, и их участие в новом проекте христианских демократов было ограниченным. М. Фор покинул «Демократический центр», хотя и остался в «Комитете исследований и связи демократов». Главным препятствием для единства действий с «Демократическим центром», как заметил один из руководителей партии Ф. Сулье, была «приверженность многих его лидеров не только правым, но и голлистам». В целом, марсельский съезд сохранил линию на поддержку ФДСЛС, но в то же время подтвердил намерения радикалов «заключать избирательные союзы и с другими политическими партиями»⁴⁴.

Неясны были перспективы отношений с Федерацией демократических и социалистических левых сил и в целом с левыми активистами христианского толка. Создавая «Демократический центр», Ж. Леканюэ и его сторонники встретили противодействие со стороны Г. Деффера и СФИО, опиравшихся на успехи Ф. Миттерана как единого кандидата левых сил. С 10 сентября 1965 г. для поддержки кандидатуры Ф. Миттерана на президентских выборах создается т. н. «малая» федерация, включившая социалистов, радикалов и левые клубы. Основная заявленная цель, впрочем, шла дальше: подготовиться к парламентским выборам 1967 г. и провести «обновление французской левой, ее идей, структур, кадров». 9 декабря 1965 г. председателем Федерации стал Ф. Миттеран⁴⁵.

Контакты между левыми активистами МРП и сторонниками Г. Деффера сохранялись в течение зимы 1965–1966 г. как в рамках общих с социалистами собраний, так и в рамках движений «европейской левой». Один из участников этих собраний Ф. Лакамбр писал: «Надо было дать некоторым левым активистам, ранее перехваченным МРП и дезориентированным ее крушением, возможность участвовать в строительстве социализма. Надо было обрушить некоторые преграды между различными левыми группами, замкнувшимися в своем шовинизме и идеологических школах... Надо было создать крупную социалистическую партию, способную найти соответствующее соотношение сил с ФКП, единственное средство сделать левую кредитоспособной в глазах общественного мнения». Эти активисты, по словам Р. Бюрона, были разочарованы эволюцией программы «Демократического центра», которая воспроизводила, по их мнению, «классические темы старой правой, либеральной на экономическом уровне, атлантической в политическом плане, даже немного окрашенной расизмом в отношении стран третьего мира»⁴⁶. Однако официально «малая» Федерация не предпринимала никаких контактов с «Демократическим центром» Ж. Леканюэ. Летом 1966 г. соглашение с ДЦ было снова отвергнуто, чтобы не нарушать «согласие слева». 20 декабря 1966 г. ФДСЛС подписала с ФКП соглашение о единстве действий на выборах. После этого 21 декабря 1966 г. Ж. Леканюэ заявил об окончательном отказе «вступать в контакт с ФДСЛС, повернувшейся к коммунистам»⁴⁷.

Что касается коммунистов, то их реакция на создание ДЦ может быть резюмирована словами Ф. Бийу: «Леканюэ является человеком реакции, самой большой заботой которой

⁴³ Temoignage chretien. 1966. 24 fevr.

⁴⁴ Канинская Г.Н. Радикалы и радикализм в послевоенной Франции. М., 1999. С. 139–140.

⁴⁵ Chevallier J.-J., Carcassone G., Duhamel O. Histoire de la Vème République: 1958–2012. P., 2012. P. 119.

⁴⁶ Launay M. Robert Buron. P., 1993. P. 76–77, 78.

⁴⁷ Le Monde. 1966. 21 dec.

является избежать победы левых и, следовательно, установления демократического режима». Новый лидер коммунистов Вальдек Роше также характеризовал членов «Демократического центра» как «отъявленных реакционеров»⁴⁸. Такие заявления, равно как и позиция самого Ж. Леканюэ по отношению к коммунистам, исключали всякое, даже электоральное сотрудничество.

В течение весны 1966 г. идет создание департаментских структур ДЦ в Париже, Верхней Сене, Валь-де-Марне, Шарантоне, Ивелине, Марселе, Роне и др. Ж. Леканюэ предпринимает серию поездок и выступлений по стране, которая имела некоторый эффект среди избирателей⁴⁹. В то же время диспропорция настроений между активистами и обычными избирателями продолжала существовать, причем с перевесом в сторону последних. Сохранялся серьезный разрыв между настроениями избирателей и линией руководства партии, который, в отличие от ситуации МРП, мог произвести положительный эффект. Недовольные избиратели и активисты просто предпочитали не вступать в новую партию. Руководящие структуры ДЦ становились более монолитными, риск продвижения лейбористской идеи в его рядах был минимизирован, возможная оппозиция линии руководства партии почти исключена, консервативный настрой рядовых членов партии преобладал. Единственной проблемой оставался голлизм. В феврале 1966 г. 75 % сторонников МРП высказывали удовлетворение де Голлем как президентом. В марте-апреле того же года за кандидата «Демократического центра» проголосовали бы 5 % избирателей радикалов, 31 % избирателей МРП и 27 % избирателей НЦНК⁵⁰.

Состояние крайнего плюрализма избирательного корпуса давило, бесспорно, на ДЦ. Согласно одному из опросов, реализованному в апреле 1966 г., распределение избирателей по шкале левые / правые давало следующий результат: 16 % считали себя крайне левыми, 19 % левыми, 31 % относил себя к центристам, 17 % к правым, 7 % к крайне правым и 10 % не дали ответа⁵¹. «...Мы не нашли никакой политической темы, – пишут авторы коллективной монографии «Политические течения в сегодняшней Франции», – по поводу которой, по крайней мере, три четверти избирателей, называющих себя левыми, имели бы идентичное мнение, и три четверти избирателей, которые причисляли себя к правым, имели бы противоположное мнение. Единственные проблемы, по которым вырисовывается довольно четкое большинство среди правых, и наоборот, меньшинство среди левых, являются авторитет власти, право на забастовку, армия и ударная сила [имеется в виду создание французских ударных ядерных сил. – Д.Ш.]. Но даже в случае, когда оппозиция между правой и левой наиболее решительна, то есть по вопросу об авторитете власти, нет единодушия. Нет большой однородности мнения в каждом из течений, особенно среди умеренных левых и умеренных правых»⁵².

Авторы цитируемого исследования считают, что избиратели центра ближе к правым, поскольку центр «действительно занимает центральную позицию между левой и правой только по одной проблеме: авторитете власти» (48 % высказываются за сохранение авторитета власти, 42 % считают необходимым сделать власть менее авторитарной)⁵³. Тем не менее, они отмечают различие темперамента правых и центристских избирателей. Прослеживается этот факт, как в самоидентификации избирателей, так и в мотивах голосования. 39 % избирателей ДЦ и 23 % ЮНР располагают себя в центре, 30 % и 43 % соответственно справа, но только 4 % и 5 % соответственно — слева, тогда как 21 % и 18 % не дали ответа. 38 % избирателей ФДСЛС симпатизировали ФКП, а 43 % – ДЦ. Среди избирателей умеренной левой, которые в 1965 г.

⁴⁸ Le Monde. 1966. 1 avr.

⁴⁹ Le Monde. 1966. 29 mars.

⁵⁰ bondages. 1966. № 1.P. 28, 47.

⁵¹ Deutsch E., Lindon D., Weill P. Les familles politiques aujourd'hui en France. P., 1966. P. 14.

⁵² Ibid. P. 26–27.

⁵³ Ibid. P. 36–37.

голосовали за Ж. Леканюэ, в качестве причины голосования треть называла его проевропейские позиции. Таким образом, европейская интеграция могла при случае все же выступать объединяющим элементом. В целом, «реальный центр, который представляет приблизительно 9 % электората, составляет группу политизированных и прагматичных избирателей, которые отвергают выбор между правыми и левыми». При таком раскладе центр может служить опорой мажоритарной партии, но в этом его стратегическая ошибка. «Кажется, в самом деле трудным, если не невозможным, для центристской партии привлечь одновременно большое число избирателей умеренной левой и умеренной правой, учитывая глубокие различия темперамента, которые разделяют эти два течения». Поэтому центру остается только быть либо с левыми, либо с правыми, что в данный момент для него предпочтительно, так как многие его избиратели голосуют за де Голля и ЮНР. Ось большинства находится не в центре, а справа, даже если политика является центристской⁵⁴.

Такая констатация находит подтверждение в некоторых данных, касающихся внутренней ситуации в партии. Согласно результатам, полученным с собрания департаментских ответственных лиц молодежных «команд» ДЦ, из 500 опрошенных 265 расположили ДЦ в центре, 134 – в правом центре, 79 – в левом центре, 7 – справа, 15 – остались без мнения. В то же время 372 человека отозвались крайне благожелательно о проекте Г. Деффера, 66 – благожелательно, но с некоторыми оговорками, 46 отозвались неблагоприятно, 46 не дали ответа⁵⁵. В мае 1966 г. был проведен еще один вопрос с целью выявления состояния дел в департаментских федерациях. Анкеты касались организации новой партии, деятельности «сельских команд», членских взносов, распространения прессы, влияния среди молодежи⁵⁶.

В.С. Шилов, анализируя данные опросов 1966–1967 гг., отмечает некоторое смещение социальной базы «Демократического центра», которая, по его мнению, стала больше близка социальной базе НЦНК, чем МРП. По его мнению, НЦНК и МРП существенно различались по возрасту избирателей (МРП выглядела более молодой), по социальному статусу: владельцы собственности – 25 % у МРП и 20 % у НЦНК, обладатели доходов свыше 12509 франков в месяц – 32 % у МРП и 42 % у НЦНК, обладатели доходов менее 500 франков в месяц – 23 % у МРП и 15 % у НЦНК⁵⁷. Таким образом, если допустить некоторое подобие социальной базы «Демократического центра» и НЦНК, то избиратели первого выглядят более солидно в возрастном плане, по уровню доходов и, возможно, социальному статусу. Но такие данные могут просто свидетельствовать об аморфности избирательного корпуса центристских партий, который к тому же испытывал постоянное давление справа и слева.

Нельзя в то же время согласиться с утверждением В.С. Шилова о «значительном влиянии католической церкви» на избирателей (поданным опроса, 77 % избирателей «Демократического центра» назвали себя католиками и регулярно посещающими церковь). Позже мы вернемся подробнее к этому вопросу, а пока заметим, что такие данные говорят скорее не о политическом влиянии церкви, а о следовании традиции (семейной, духовной, ментальной) или воздействия окружения. В любом случае большинство таких контактов базируются на уровне кюре / прихожан и не всегда оказывают давление на политический выбор. Можно сказать, что вера конкретного избирателя отнюдь не всегда (и уж тем более не в случае христианской демократии) определяет его политический выбор, который вряд ли можно классифицировать как «католический».

⁵⁴ Ibid. P. 44–45, 48, 62.

⁵⁵ Le Monde. 1966. 1 avr.

⁵⁶ В архиве «Центра Демократия и Прогресс» сохранились подготовительные материалы данного опроса, но результаты не представлены // A.N. Fonds du Centre Démocratie et Progrès. 420 AP 1. Correspondance, notes, circulaires du Centre Démocrate, puis du Centre Démocratie et Progrès. 1965–1970.

⁵⁷ Шилов В.С. Политические партии и внешняя политика Франции (1958–1969). М., 1977. С. 169; Sondages. 1966. № 2. P. 12.

Такая корреляция находит подтверждение в опросах, приводимых, в частности, в довольно информированной работе Ж. Сюттера. Можно сослаться на два показательных опроса. Первый касается мотивов голосования за Ж. Леканюэ в первом туре президентских выборов 1965 г. (опрос был проведен 13 и 20 декабря 1965 г.). На вопрос – «Вы голосовали за Ж. Леканюэ, потому что...» – ответы распределились следующим образом:

	В целом	Мужчины	Женщины
Это кандидат центра	21	27	12
Это подлинный демократ	7	7	7
Он за Европу	19	23	12
Он молод	40	35	46
Он симпатичен	18	12	25
Он христианин	7	8	6

Он будет заниматься модернизацией страны	14	10	18
Он хочет создать новую политическую силу	13	12	14
Он лучше обеспечит наследование де Голлю	17	20	15
Де Голль слишком авторитарен	10	10	10
Де Голль не занимается благосостоянием французов	20	14	27
Я не одобряю внешнюю политику де Голля	9	14	4

Как видно из этого опроса, религиозные убеждения меньше всего волновали избирателей в конкретном политическом выборе.

Второй опрос, проведенный в октябре 1972 г., звучал следующим образом: «Если перед выборами ваш священник давал бы вам советы, как вы должны голосовать, последовали бы вы лично его советам?». Ответы распределились таким образом: утвердительно ответили 4 %, отрицательно – 81 %, в зависимости от обстоятельств – 9 %. Кроме того, 3 % заявили о своей не религиозности, а еще 3 % не дали никакого ответа⁵⁸. Следовательно, и в данном случае религиозные предпочтения резко отступают, как и готовность принять вмешательство церкви в политический выбор.

Данная ситуация может также объясняться через набравший силу процесс секуляризации общественного сознания и ментальной эволюции французского общества. Не случайно, «Демократический центр» по многим параметрам (политическая стратегия, трактовка центра, программа) постепенно отдаляется от своих христианско-демократических предшественников – «Молодой республики» М. Санье, Народной демократической партии и даже МРП. Для сто-

⁵⁸ Sutter J. La vie religieuse des Français através les sondages d'opinion (1944–1976). Tome 2. P., 1984. P. 1077, 1078.

ронников Ж. Леканюэ становился характерным холодный, расчетливый прагматизм, в котором центризм был всего лишь политической реальностью, неким математическим расчетом. Однако Ж. Леканюэ, продвигая свою стратегию, не учел (или не осознал) того факта, что отказ многих избирателей голосовать за голлизм или левых (среди которых по-прежнему доминировала коммунистическая партия) вовсе не означал, что они автоматически будут голосовать за центр.

Период от президентских выборов декабря 1965 г. до парламентских выборов в марте 1967 г. был ознаменован в политической жизни Франции рядом важных событий. Прежде всего, это формирование нового правительства Ж. Помпиду, из которого был исключен В. Жискара д'Эстен, объявленный ответственным за проблемы «плана стабилизации» экономики, но зато были введены радикалы Э. Фор и Ж.-М. Жаннени (а это делало бессмысленным присоединение радикалов к ДЦ). Затем, исключение Жискара из правительства имело следствием не только создание им собственной партии «независимых республиканцев», но и демонстрацию оппозиционности голлистам, выраженную в формуле «да, но...». Это рождало еще один оппозиционный центризм, конкурирующий с христианско-демократическим. Наконец, продолжилось сближение левых сил. В декабре 1966 г. по инициативе Ф. Миттерана ФДСЛС заключила соглашение сФКП и ОСП [Объединенной социалистической партией— Д.Ш.] о выдвижении совместных кандидатур. Несколько ранее в январе 1966 г. последовал пакт о единстве действий между Всеобщей конфедерацией труда (ВКТ) и Французской конфедерацией демократических трудящихся (ФКДТ)⁵⁹.

«Демократический центр» по-прежнему заявлял о себе как о силе, оппозиционной деголевской политике. В начале апреля 1966 г. в Национальном собрании вотум недоверия правительству по поводу атлантической политики Ш. де Голля собрал 137 голосов (при 242 необходимых), среди которых были 34 (из 51) депутата «Демократического центра», в том числе П. Абелен, Ж. Фонтане, Барберо, Ж. Барро, Брюголь, Шазалон, П. Кост-Флоре, А. Фревилль, П. Менъери, Р. Монтань, Орвоен и Р. Плевен⁶⁰.

Что касается партии МРП, то она переживает медленный процесс упадка, сокращения числа членов. В 1965 г. МРП насчитывала не более 12 000 членов, а тираж ее газеты «Форс нувель» снизился до 10 тыс. экземпляров в 1965 г. и 6 тыс. в 1967 г. Близкие по духу журналы и газеты практически перестали поддерживать МРП (например, «Ви католик»), а некоторые, как газета «Темуаньяж кретьен», и вовсе сблизились с социалистами. Наконец, почти исчезла поддержка ФКХТ, пережившей в 1964 г. раскол и выбравшей путь деконфессионализации (ставшей ФКДТ – Французской конфедерацией демократических трудящихся)⁶¹. К началу 1967 г. МРП превратилась в нечто вроде философского кружка. Самороспуск партии в феврале 1967 г. только подтвердил свершившийся факт ее заката. 29 апреля 1967 г. собрание председателей и секретарей федераций МРП официально положило конец деятельности руководящих инстанций партии, хотя это противоречило уставу партии (право распускать партию имел только съезд). 28 сентября того же года прекратилось издание партийной газеты «Форс нувель». Эпоха МРП в истории французской христианской демократии закончилась.

Социокультурные и экономические изменения во Франции в 1960-е годы

Эволюция христианской демократии проходит на фоне глубоких политических и социокультурных перемен в стране. Затруднительно однозначно утверждать, опережали ли эти пере-

⁵⁹ Becker J.-J. Op. cit. P. 114–115.

⁶⁰ Chevallier J.-J., Carcassone G., Duhamel O. Op. cit. P. 122.

⁶¹ Lévêque P. Op. cit. P. 274–275.

мены развитие самой христианской демократии, или, наоборот, она пыталась угнаться за ними, не оказаться в хвосте современности. В любом случае, взаимовлияние остается очевидным. Другой важный факт состоит в том, что в момент, когда имеет место закат партии МРП, трансформации в политике, экономике, обществе, культуре, известные под общим наименованием «славного тридцатилетия» переживают свой апогей. С легкой руки французского экономиста Ж. Фурастье такое наименование получил период 1945–1975 гг., от окончания войны до начала мирового экономического кризиса. В самом общем представлении, это было время политических потрясений, демографического подъема, экономического роста, почти нулевой безработицы, создания разветвленной системы социального страхования, повышения уровня жизни и потребления, сексуальной революции и культурных изменений. При этом условность дат очевидна, поскольку основные изменения, проанализированные Ж. Фурастье, происходили в своей массе с конца 1950-х и в 1960-е годы.

К 1960-м годам Франция изменилась. Эти изменения в самом широком толковании прошли под знаком двух факторов: длительного относительно мирного периода (исключая колониальные войны, которые, по сути, были вне страны) и общего роста благосостояния французов. В 1962 г. закончилась колониальная война в Алжире, а на международной арене после серии острых кризисов наметилась тенденция к мирному сосуществованию. Благосостояние французов характеризовалось через призму полной занятости и технического прогресса. Верой в прогресс были затронуты все идеологии, даже критикующие капитализм. Отсюда господство технократизма, моды на научное объяснение общественных явлений. Но еще не пришло время критиковать индустриальное общество и выступать за «нулевой рост» или более гуманный рост⁶². Поэтому христианская демократия 1960-х годов также «технократична», как и остальные политические культуры. В ее дискурсе также прослеживается желание опереться на «новые средние слои» и дать характерный для той эпохи анализ причин, влияния на развитие общества и последствий научно-технического прогресса⁶³.

Один из главных эффектов экономического роста «славного тридцатилетия» – это очень глубокое изменение веса производственного и непроизводственного секторов внутри французской экономики. Например, сельское хозяйство, дававшее в 1946 г. 17 % ВВП, в 1974 г. дает лишь 5 %. Имеет место быстрое увеличение доли третичного сектора: в 1946 г. в него был вовлечены 34 % активного населения, в 1970-е годы — 50 %. Созданные в 1960-е годы — новых мест были в банках, финансовых институтах, страховых обществах, телекоммуникациях, государственной администрации, торговле, транспорте. Новое французское общество выглядело более многочисленным, более молодым, больше обращенным к досугу и потреблению, и все больше городским⁶⁴. В годы «славного тридцатилетия» наблюдается растущая интеграция «рабочего мира» в ряды среднего класса, формирование т. н. «нового рабочего класса», который уже далеко не всегда голосует за левых⁶⁵. Такая констатация вносила свои коррективы в электоральную базу христианской демократии, которая постепенно сдвигалась от сельского мира в пользу новых профессиональных и социальных категорий. Для нее оставался актуальным вопрос, быть ли ей прибежищем католического и сельского электората (как

⁶² Sirinelli J.-F. Mai 68. L'événement Janus. P., 2008. P. 41.

⁶³ См., например, резолюцию последнего съезда МРП в Виши (1965 г.), в которой провозглашалась задача создания «новой экономики» (на основе сочетания плана и рынка), а основными факторами роста выступали научный поиск, техническое обучение, инновации, программирование и реконверсия предприятий // Motion de politique économique et sociale // A.N. 350 AP 43 / 2 MRP 1. Dr. 87. XXII congrès national. Rapports. Elections. Motions.

⁶⁴ Berstein S., Winock M. Le République recommencée. P. 448–449, 452. Ж.-Ф. Сиринелли также констатирует снижение доли сельского хозяйства в экономике с 14,9 % до 9,5 % активного населения в период с 1968 по 1975 гг. и сокращение численности крестьянства с 7 млн. в период Освобождения до 2 млн. к середине 1970-х годов. По его мнению, изменения в «крестьянском мире» (улучшение жилищных условий, рост использования автомобилей, телефона, телевидения) меняют образ жизни французской деревни // Sirinelli J.-F. Les Vingt décisives. Le passé proche de notre avenir. 1965–1985. P., 2010. P. 38.

⁶⁵ Sirinelli J.-F. Les Vingt décisives. Le passé proche de notre avenir. 1965–1985. P., 2010. P. 40–41.

определяли некоторые французские и советские исследователи), или же она сумеет завоевать популярность среди новых категорий населения, ответить на вызов времени.

Сдвиг во французском обществе и экономике был обусловлен не только изменением их структуры, но и общим ростом потребительского благосостояния. Если в 1956 г. немногим более 20 % семей владели автомобилем, то в 1965 г. эта пропорция составила 45 %, а в 1968 г. достигла 54 %. Процент оснащения семей телевизорами, составлявший в 1954 г. 1 %, достиг почти 40 % в 1964 г. и 80 % в 1973 г. Оснащение холодильниками соответственно составило в 1954 г. – 75 %, в 1964 г. – 48,3 %, в 1973 г. – 86,8 %; стиральными машинами – в 1954 г. – 8,4 %, в 1964 г. – 35,4 %, в 1973 г. – 65,7 %. В сентябре 1957 г. 70 % семей не обладали ни холодильником, ни стиральной машиной, ни телевизором. К концу 1973 г. только 7 % из них находились в подобном состоянии. Напротив, лишь 2 % семей обладали этими благами одновременно в 1957 г., тогда как в 1973 г. их число составило 57 %⁶⁶. Обладание определенным уровнем достояния, стремление к нему и в целом к благосостоянию определяли и мотивы голосования на выборах, уровень поддержки той или иной партии.

Разумеется, общество периода «Славного тридцатилетия» не лишено было проблемы неравенства. Но это уже не неравенство между жестко структурированными классами, так как общество обладало достаточной степенью мобильности. Неравенства исходили от квалификации (например, между инженером и простым рабочим), пола (заработная плата мужчин примерно в полтора раза выше заработной платы женщин), вида деятельности (третичный сектор находится в наиболее выигрышном положении в связи с развитием сферы услуг и ростом заработной платы) и региона (Париж по-прежнему доминирует над провинцией). И в то же время введение различных социальных пособий (ASSEDIC ит.п.) или гарантированного межпрофессионального минимума заработной платы позволило существенно улучшить ситуацию⁶⁷.

Наконец, в период «славного тридцатилетия» проявляется еще одна важная характеристика. Глобальный рост уровня жизни, развитие форм досуга, растущая унификация обширного среднего класса, прогресс техник коммуникации, прогресс в уровне образования и рост числа студентов стали факторами превращения в массовое явление культурных практик⁶⁸.

В 1960-е годы на политическую сцену выходит поколение «бэби-бум», далекое от послевоенных забот и тревог, для которого «война является не более чем виртуальной угрозой», подтверждая «конец сельского мира» и укоренение быстро распространяющейся массовой культуры. По словам Ж.-Ф. Сиринелли, фактически это первое поколение, знавшее только «славное тридцатилетие», пользующееся плодами «всеобщего благосостояния», которое «является потребителем прежде, чем стать производителем». Но это «благоденствие» имело свои временные пределы. «В первое время, – пишет он, – ценности и нормы, определявшие индивидуальное поведение и рациональную жизнь, находились в сельском и управляемом обществе. Как и во всех обществах, достигших определенного уровня развития, «кардинальными добродетелями» остались «стойкость, скромность и предусмотрительность, иными словами, перенесение удовлетворения». В таком обществе церковь и семья, политические партии и профсоюзы функционировали не только как структуры социализации, но также как обладатели и хранители норм и власти. Но приходит момент, когда нормы и ценности оказываются противоречащими эволюции. От общества с почти полной занятостью, в котором страхование по болезни или от несчастного случая было основным, начинается медленный переход к изменению социальной стратификации и перемене образа жизни»⁶⁹.

⁶⁶ Marseille J. Autopsie des années de croissance / 1945–1975. Les Trente Glorieuses. Le temps du miracle économique // L'Histoire. № 192. Octobre 1995. P. 29.

⁶⁷ Rioux J.-P. Vive la consommation! // L'Histoire. № 102. Juillet-août 1987. P. 93.

⁶⁸ Sirinelli J.-F. Les Vingt décisives... P. 60–61.

⁶⁹ Rioux J.-P., Sirinelli J.-F. Histoire culturelle de la France. T. 4. Le temps des masses. Le XXe siècle. P., 2005. P. 326–327.

Социально-экономические изменения сопровождались политическими переменами. В 1960-е годы, согласно С. Хофману, имеет место «новый республиканский синтез», то есть укоренение нового республиканского режима, ставшего более консенсусным и обретшего непрекращаемую легитимность. V Республика сделала, по его мнению, социальную и экономическую модернизацию «национальной амбицией», реформируя центральные государственные институты, создавая сдержки и противовесы внутри государства⁷⁰. Таким образом, «республиканская модель» снова получила свою этику, ценности и нормы. Если и имело место оспаривание, то именно механизмов функционирования, но никак уже не самой основы модели, существующего конституционного режима.

Данное закрепление «республиканской модели» проходит на фоне постепенной ликвидации «блокированного общества» (термин социолога М. Крозье), начавшейся после войны, под знаком мощной индустриализации, меняющей привычные социальные структуры и институты (в частности, роль государства). «Учитывая одновременно государственное планирование и преобразование французской промышленности с моралью модернизации (производительность и экспансия), географическая и функциональная фрагментация экономики и общества сокращаются. Передовой капитализм и постиндустриальное общество (то есть практическая важность теоретического познания, рост услуг, закат неквалифицированного труда) пришли в одно и то же время. Деревня является сегодня гораздо менее автономной единицей; семья менее сплоченной, и – как в других индустриальных обществах – мы увидели появление подростковой «культуры». Некоторые различия между классами и положениями ослабли: формируется более единообразный образ жизни»⁷¹, – отметил С. Хофман. Среди других факторов американский социолог выделяет упадок «крестьянской базы» французского общества в пользу «новых средних классов», господство ценностей экономической рациональности (вместо социальной рациональности прежней буржуазии)⁷².

В 1960-е годы оформилась система ценностей, которые начали укореняться в период общественных изменений, став одним из важнейших аспектов «второй французской революции» (термин А. Мандра). «Мы ясно видим, что обрушиваются главные социальные структуры XIX века: четыре массовых и антагонистичных класса распыляются во множестве групп, которые вращаются вокруг центрального созвездия. Основные институты, церковь, армия, республика, школа, Коммунистическая партия и профсоюзы утрачивают их символическую и магическую ауру, потому что французы живут в согласии по большинству вопросов. Крупные национальные раздоры стихают. Вот почему общество кажется нам аморфным, населенным массивными архитектурными конструкциями. В действительности, оно диверсифицируется и становится более сложным, потому что локальные институты входят в силу, как организуются и поддерживают их структуры, возрастные классы и отношения родства. Посреднические регулирования позволяют индивидуальным и коллективным стратегиям развиваться, не подвергая риску связность системы: новая цивилизация нравов находится на пути зарождения. Все эти тенденции, порожденные Революцией, утвердятся со временем и строят новое общество, которое будет изменяться, создаваясь»⁷³, – пишет А. Мандра.

В то же время проявлялось серьезное противоречие. Утверждение «республиканской модели» произошло благодаря сплаву широко укорененных институтов и системы глубоко привитых ценностей, так как находилось в соответствии с потребностями общества той эпохи. Но изменения Франции периода «славного тридцатилетия» сопровождались «институциональным обновлением», причиной и следствием которого стала быстро растущая пропасть между

⁷⁰ Hoffmann S. Essais sur la France. Declin ou renouveau? P., 1974. P. 491.

⁷¹ Ibid. P. 191.

⁷² Ibid. P. 191–192.

⁷³ Mendras H. La Seconde Revolution française. P., 1988. P. 24.

прежней системой ценностей и быстро меняющимся французским обществом: «общие ценности, основывавшие и цементирующие национальное сообщество, оказались в точности теми же, которые были неявно, но четко поставлены под сомнение»⁷⁴. Это стало причиной серии социально-политических кризисов и потрясений.

Эти перемены шли синхронно с выходом на политическую сцену нового поколения молодых политиков, менее связанных с баталиями прошлых десятилетий и черпающих политическую легитимацию в ином. Центризм, как наиболее размытое течение, оказался этому подвержен в большей мере, нежели остальные политические силы. Первое изменение – это окончательное принятие республиканских ценностей. С этого момента и уже бесповоротно христианская демократия привержена республиканизму и его ценностям (поворот, четко заявленный еще в период образования партии МРП). Нет никаких дискуссий относительно формы правления, никаких больше апелляций к монархии (как было в довоенные годы участия католиков). Это остается уделом маргиналов. Более того, христианские демократы после многих лет критики политической системы и функционирования институтов V Республики демонстрируют ей верность. Ж. Леканюэ в 1965 г. выступает против Ш. де Голля, но не против конституции 1958 г. Однако принимая республику и демократию, следуя социально-экономической эволюции общества, христианские демократы открываются либерализму. Требование личностного расцвета начинает заменять коллективные ставки реконструкции и модернизации. Политика, религия, семья серьезно теснятся индивидуализмом. Парадоксально, но в этом принятии либерализма христианской демократии уже нет серьезных противоречий с ее доктриной. В свое время партия МРП выступила с сильной критикой либерализма, против господства идеи рынка, культа денег и прибыли, дикой конкуренции. Именно в ликвидации этих пороков заключалось ее требование разрыва с капитализмом. Но к 1960-м годам сам либерализм, равно как и основанная на нем социально-экономическая система изменились. Поэтому то, что принято называть неолиберализмом (и что, например, пропагандировал В. Жискард д'Эстен) по ряду параметров оказалось созвучным требованиям христианской демократии, которая по-прежнему делала акцент на решении социальных вопросов.

Еще одно важное изменение – восприятие доктринального наследия и отношение к вере и церкви. Для нового поколения христианских демократов теряла всякий смысл отсылка к религиозной традиции христианской демократии, взглядам ее основателей. Для них характерен больше прагматизм, наследственность в выборе политической позиции, восприимчивость к новым явлениям и процессам, тогда как апелляция к «старому» наследию выглядела анахронизмом. Из выступлений на съездах сначала «Демократического центра», а затем Центра социальных демократов постепенно исчезают ссылки на Ф. Озанама, народных демократов довоенного периода, М. Санье или Ф. Гэ, оставаясь уделом публикаций журнала «Франс форум», воспоминаний и статей философа Э. Борна или собраний «обществ друзей». Даже в области европейской интеграции, которая оставалась краеугольным камнем доктрины христианской демократии, почти нет уже упоминаний одного из ее инициаторов Р. Шумана. Тем не менее, обширное наследие христианской демократии, личная привязанность к ее морально-этическим ценностям оставались связующим звеном истории и современности французской христианской демократии. Ж. Леканюэ или Ф. Байру гораздо менее религиозны и более светски, чем М. Санье или Ф. Гэ, но оба они вписаны в общую традицию, через наследие идей, структур, мировоззрения. Р. Ремон отметил: «Переход через движение (*mouvance*) МРП был для католиков этапом в перегоне, который привел их к переходу от защиты традиционного социального порядка к сражению за социальную справедливость. Разнообразие этой диаспоры, которая распространилась между правой и левой, создает трудность для этой традиции, не

⁷⁴ Sirinelli J.-F. Les Vingt decisives... P. 133.

принимающей деления на два противостоящих блока и не желающей выбирать один лагерь против другого, сохранить свою идентичность»⁷⁵.

Возможно, такое поведение было следствием возросшей секуляризации общества и изменением в восприятии французами мира самой церкви. Рубежом можно считать обновленческие процессы в церкви. Ватиканский консилиум 1962 г., явившийся, безусловно, плодом компромисса и давления атмосферы всеобщей секуляризации, допустил религиозную свободу и плюрализм католиков, что косвенно вело впоследствии к отказу от осуждения марксизма и атеизма, акценту на роли светских лидеров и на епископальной коллегиальности, принятию новой социальной доктрины церкви. Эта тенденция найдет живой всплеск во время бурных событий Мая 1968 г. В 1972 г. был озвучен официальный доклад епископа Гренобля Матагрена «Политика и вера. За христианскую практику политики», который придал легитимность политическому плюрализму французских католиков, призывая вступать в профсоюзы и политические партии, признавая существование классовой борьбы. «Католические студенты поколения Мая, – пишет Д. Пелетье, – участвуют в движении, которое выражает в сфере политики требование эмансипации по отношению к старшим и свободы нравов, которая уже была в сердце проблем движения... Май 1968 г., наконец, делает возможной кристаллизацию активного меньшинства, доставшегося в наследство от прогрессизма и закаленного в борьбе против войны в Алжире». Тот же автор отмечает, что процент французов, считающих себя католиками переходит от 84 % в 1971 г. к 79 % в 1991 г. и 69 % в 1994 г., в то время как процент людей, определяющих себя «без религии» растет с 8 % до 23 %. Большинство людей, называвших себя католиками, отказываются от регулярной практики, и это касается даже главных ритуалов жизни христианина⁷⁶.

Социолог А. Мандра иллюстрирует произошедшие изменения: «Закат католической церкви объясняется по большей части исчезновением крестьянства. Также как закат Коммунистической партии объясняется исчезновением пролетариата. Но этого объяснения недостаточно, так как «дехристианизированные» крестьянские регионы были географически не менее протяженными, как и практикующие регионы. В значительной части нерелигиозная и вольтерьянская буржуазия начала XIX века повернулась к церкви в его середине, в частности, вследствие революции 1848 года. Сегодня она в большинстве снова отделилась от церкви. Ни старые средние, ни новые классы в своей массе не поддерживали ее духовное влияние. Никакое миссионерское движение, сравнимое по важности с JAC [*Jeunesse agricole chretienne*. – Д.Ш.] или JOC [*Jeunesse ouvriere chretienne*. – Д.Ш.], не попыталось их христианизировать... Церковь, слишком занятая сохранением буржуазии и крестьянства и завоеванием рабочих, не видела своего будущего, как и будущего общества, в том, чтобы быть связанными с новыми средними классами. Пресса остается единственным средством, которое она дала, чтобы их завоевать»⁷⁷. Тем не менее, несмотря на закат религиозной практики, религия оставалась важным фактором, через который можно объяснить идеологические и политические разломы французского общества, поскольку, по мнению А. Мандра, «религиозная ориентация является лучшим индикатором предрасположенности голосования за правых»⁷⁸. Иными словами, как и в довоенные годы, отношение к религии остается важным фактором политической ангажированности французских католиков. Традиционно религиозный вопрос предопределял их позиционирование справа, несмотря на всю условность такого деления. В то же время секуляризация и эволюция французского общества вносили сильное разнообразие в отношение к религии

⁷⁵ Remond R. *Les droites aujourd'hui*. P., 2005. P. 233.

⁷⁶ Pelletier D. *Les catholiques en France depuis 1815*. P., 1997. P. 97–99, 101. См. также: Bethouart B. Entry of the Catholics into the Republic: The Mouvement Republicain Populaire in France // Gehler M., Kaiser W. *Christian democracy in Europe since 1945*. Vol. 2. London, N.-Y., 2004. P.91.

⁷⁷ Mendras H. *Op. cit.* P. 79–80.

⁷⁸ *Ibid.* P. 83.

и регулярность религиозной практики. Кроме того, вопрос религиозности теперь находился в прямой зависимости от поведения церковной иерархии.

Упадок религиозной практики во второй половине XX века вписывается в рамки социокультурных изменений. Как отмечает Ж.-П. Риу, если раньше церковь выглядела способной бороться с тоталитаризмом и ультралиберализмом, осуждая аборт и контрацепцию (например, в энциклике *Humanae Vitae*, 1968), то теперь она оказалась неспособной ответить на эмансипацию нравов. После дискуссий по закону Нёвирта об абортах (1967) разрыв по этому пункту становится тотальным и лежит в основе кризиса религиозной практики. Индивидуализацию веры и секуляризацию общества католики пытались компенсировать более зримым присутствием в разного рода массовых манифестациях, делая динамичной свою социальную базу. Католицизм остается социологически господствующим, но в культурном плане теряет свое влияние. Молодежь видит христианство как нечто вроде «культурной религии», в которой личный выбор и забота о человеке являются первичными⁷⁹. Как заметил Ж.-Л. Путье, если раньше, в период становления и утверждения христианской демократии, «христианин, ангажированный в политике, мог легко считать себя больше христианином, чем демократом», то сегодня процесс секуляризации изменил проблему. В итоге, «христианину легче провозгласить себя демократом, чем христианином»⁸⁰.

Серия опросов за 1970–1972 гг., приведенных в работе Ж. Сюттера⁸¹, показательна и иллюстрирует вышеприведенные данные.

Опрос 1. «Вот список основных идейных течений, которые характеризуют современный мир. Среди них, можете ли вы назвать какое-либо, к которому вы чувствуете себя более близким?»:

Маоизм, троцкизм, анархизм, различные варианты гошизма	4
Коммунизм	7
Социализм	15
Христианская демократия	10
Экономическое развитие	20
Либерализм	17
Национализм	8
Европейский федерализм	9
Никакое или отсутствие ответа	26

Опрос 2. «Для каждой из следующих групп, можете ли вы сказать, что она близка марксизму, христианству, или ни тому, ни другому?»:

⁷⁹ Rioux J.-P., Sirinelli J.-F. Histoire culturelle de la France... P. 421–422.

⁸⁰ Berstein S. (dir.) Les cultures politiques en France. P., 2003. P. 334.

⁸¹ Sutter J. Op. cit. P. 1087–1089, 1091, 1097. Приведены опросы от 16–23 февраля 1970 г. (опрос 1), 6–14 мая 1970 г. (опрос 2), 29 июня – 6 июля 1971 г. (опросы 3 и 5), октябрь 1972 г. (опрос 4), 31 августа – 12 сентября 1966 г. (опрос 6).

	Близка марксизму			Близка христианству			Ни тому, ни другому			Без ответа		
	В целом	м	ж	В целом	м	ж	В целом	м	ж	В целом	м	ж
Коммунистическая партия	60	0	52	4	4	4	15	15	15	21	13	29
ОСП	38	47	28	7	8	7	17	19	14	38	26	51
Социалистическая партия	29	35	0	14	14	14	25	29	21	32	22	42
Радикальная партия	13	13	13	19	25	13	30	36	24	38	26	50
ЮДР	3	4	2	54	61	48	16	19	13	27	16	37
Демократический центр	2	2	3	49	60	39	14	16	12	35	22	46
ВКТ	56	64	47	6	9	4	13	13	12	25	14	37
ФКДГ	16	20	13	30	36	24	19	22	15	35	22	48
Французский патронат	1	2	1	44	52	35	22	26	17	33	20	47

Опрос 3. «По вашему мнению, можно ли надлежащим образом быть одновременно?»:

	«да»			«нет»			отсутствие ответа		
	В целом	м	ж	В целом	м	ж	В целом	м	ж
Христианином и социалистом	79	82	75	12	12	13	9	6	12
Христианином и либералом	74	82	66	10	10	9	16	8	25
Христианином и коммунистом	40	47	33	54	50	58	6	3	9
Христианином и капиталистом	62	67	56	28	26	30	10	7	14
Христианином и гошистом	36	39	33	50	52	47	14	9	20
Христианином и фашистом	24	30	18	60	61	59	16	9	23

Опрос 4. «Можно ли, по вашему мнению, быть христианином и сторонником социалистического общества?»: «да» ответили 77 %, «нет» – 11 %, остались без ответа – 12 %.

Опрос 5. «Если вы думаете об их различных позициях, скажите в целом, епископы во Франции являются..., и священники..., и католики в целом?»:

	Епископы			Священники			Католики		
	В целом	м	ж	В целом	м	ж	В целом	м	ж
Скорее слева	9	12	7	18	23	13	7	7	7
Скорее в центре	16	18	14	20	22	17	25	27	23
Скорее справа	27	29	24	19	19	19	32	34	30
Вне этой классификации	15	17	13	14	14	14	10	12	8
Отсутствие ответа	–	–	–	–	–	–	–	–	–

	В целом	мужчины	женщины
Генерал де Голль	39	38	39
Ж. Леканюэ	7	9	5
П. Пфлимлен	1	3	-
Ф. Мориак	1	1	1
Другие ответы	5	5	3
Нет ответа	47	44	52

Таким образом, данные опросов показывают следующую картину. Христианской демократии отдают меньше предпочтения, чем социализму, либерализму или «экономическому развитию» (опрос 1), что подтверждается ее электоральными позициями. На почве католицизма она встречает серьезную конкуренцию со стороны голлизма (опрос 2), при том, что оба течения демонстрируют свою светскость. Отголоском движения христианского прогрессизма и политических событий послевоенной истории является политический плюрализм французских католиков с их симпатиями (в убывающем порядке) социализму, либерализму, капитализму и коммунизму (опрос 3). Одновременно большинство христиан не видят дилеммы, чтобы быть одновременно сторонником социалистического общества (опрос 4). В то же время, как бы диссонируя с такими настроениями, церковная иерархия располагается ими больше справа, тогда как низовые структуры крайне плюралистичны, но в целом католики тяготеют к правому флангу (опрос 5). Наконец, неоспорим авторитет Ш. де Голля как политика, выражающего точку зрения католиков (опрос 6). Перевес настолько огромный, что два вождя христианской демократии ему основательно проигрывают.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.